

Л. ХАРЧЕНКО

Орленок

Л. ХАРЧЕНКО

Орленок

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАВРОПОЛЬ · 1963

ПИОНЕРЫ—ПИОНЕРУ

— Дружина! На вынос пионерского знамени стоять смирно!

Замерли в торжественном строю пионеры: головы чуть приподняты, руки застыли в пионерском салюте, на белых рубашках и блузах пламенеют галстуки. В большом школьном зале тишина. Вдруг в нее ворвалась песня горна и ритмичная дробь барабана. Двери широко распахнулись, в зал вошел знаменосец с алым, обшитым золотой бахромой знаменем, за ним горнисты, барабанщики. Они стали на свои места. В зале снова тишина.

— Пионер чтит память тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за свободу и процветание Советской Родины,— звонко начал ведущий.— Девятнадцатого января 1962 года исполнилось девятнадцать лет со дня гибели нашего земляка-героя, пионера Геннадия Голенева. Сбор, посвященный его светлой памяти, считаю открытым.

Из шеренги на три шага вперед выходит Володя Подвасецкий.

— Великая Отечественная война 1941—1945 годов для нас только история. Нас не было тогда на свете. Но жили другие мальчики и девочки в пионерских галстуках или с комсомольскими значками на груди. Они, как и мы, проводили интересные пионерские сборы, ходили в дальние туристские походы, отдыхали в пионерских лагерях. А когда враг напал на нашу Родину, они стали ее защитниками. Рядом со взрослыми боролись за свое право на жизнь, счастье, за право носить пионерский галстук. Таким был Голенев Геннадий, ученик нашей школы.

Володя рассказывал о подвиге Голенева, о его смерти. В памяти ребят всплывали письма школьных товарищей юного героя, рассказы его матери...

В ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ВТОРОМ

Май... Бледная луна скупно освещает город. На улицах ни огонька. Это светомаскировка. А город не спит. Большой зал Дома офицеров залит ярким электрическим светом. В нем негде яблоку упасть. Почти все места уже заняты комсомольцами-добровольцами — завтра отправляются они в военные школы связи и на фронт. На защиту Родины.

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону,
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну...

Песню комсомольцев гражданской войны поют комсомольцы тысяча девятьсот сорок второго года. Они тоже ушли на войну. Великую Отечественную.

К двухэтажному зданию Дома офицеров подошли двое, в темных костюмах, без головных уборов. Один из них был почти на голову выше своего товарища, широк в плечах. У входа заговорили шепотом:

— Войдем, поздороваемся с вахтершей и... как договорились... Понял?

— А если задержит, скажет, поворачивайте оглобли назад? Тогда что, Генка?

— Вадим, ну, что ты такой? Прямо зло берет на тебя. Учти, смелым двери сами открываются, — озорно блеснул глазами Геннадий и решительно рванул дверь на себя.

— Мы не опоздали?— спросил Геннадий вахтершу.

Вахтерша удивленно вскинула брови. Тот, что поменьше, хоть чуб завел и лицом будто бы мужественнее, а этот, первый, с челкой на лбу, мальчишка мальчишкой.

— А вас, кажется, и не ждали,— с обидной улыбкой отпарировала вахтерша.

— Я секретарь комсомольской организации седьмой средней школы Вадим Шевцов,— как можно солиднее представился Вадим.

— Ну вот и отправляйтесь в свою школу. Идите, идите, ребятаки.

— Мы в числе приветствующих.— Вадим взглянул на Геннадия, и оба спокойно пошли по лестнице. Уже вверху, не выдержав, помчались бегом. Сзади услышали:

— Фулюганы! Вернитесь! Ни стыда, ни совести у вас нет!

Вбежав в боковое фойе, ребята остановились у двери в зрительный зал. Геннадий прыснул:

— Говорил же тебе, смелым двери сами открываются.

Секретарь городского комитета комсомола Аня Иванова открыла вечер, посвященный проводам молодых ставропольцев на фронт.

Вадим увидел в заднем ряду два свободных места, потихоньку пробрался к ним. Сели.

Комсомольцы с трибуны горячо говорили о Родине, о своем долге защищать ее.

Чем ближе подходило к концу торжественное собрание, тем нетерпеливее становились Вадим и Геннадий.

Как только объявят перерыв, они помчатся к сцене, чтобы перехватить Иванову. Они будут убеждать ее, умолять. Не может же она оказаться такой черствой, как офицер в военкомате, что ответил им коротко и обидно: «Фронт — не детский сад».

Наконец Иванова объявила перерыв. Ребята стремглав вылетели из зала, понеслись к сцене. Иванова вышла в окружении девушек и парней. Они громко разговаривали, смеялись.

Вадим решительно шагнул к ней.

— Товарищ Иванова...

Она посмотрела на возбужденные лица ребят, подошла к ним.

— Ну, рассказывайте, что случилось...

— Мы вот... мы тоже с Геннадием хотим на фронт. Мы уже взрослые.

Иванова посмотрела на «взрослых». С лица ее постепенно сошло веселое выражение, оно сделалось серьезным и даже строгим.

— Ребята, ребята,— покачала она головой,— нельзя вам туда. Рано. Понимаете? Да и не могут все уйти воевать.

— Что ж нам, сидеть сложа руки?— перебил ее Геннадий.— Мы хотим туда, хотим помогать!

— Нельзя вас на фронт. А помогать фронту и здесь можно. Вот дело для вас,— Иванова оживилась,— недели через три начнется уборка хлеба...

К ДОМУ ПОДХОДИТ ВОЙНА

Богатый урожай выдался в том году в совхозе «Советское руно». Богатый! А как убрать его, когда в совхозе остались одни старики да женщины?!

Плечистый, невысокого роста мужчина вытер пот с лица и, по-хозяйски оглядев ток, остался доволен дружной работой городских школьников. Это Кузьма Гордеевич, заведующий током совхоза. Его улыбка ушла в усы, тронутые сединами: «Заморились же, а ничего, не жалуются».

Ребята набирали крупную пшеницу в ведра и мигом высыпали ее в бестарки. Когда брички наполнялись до краев, все облегченно вздыхали. Девочки с удовольствием шли отдыхать подальше от веялки. А возле веялки бесшумно, без

перерыва дежурили Вадим Шевцов и Геннадий Голенев. Попова от нее клубилась столбом, тут же ложилась на землю.

— Эй, трудяги, потише крутите! Видите, мы не управляемся,— крикнул Толя Володин. Взмахом головы он откинул льняной чуб назад, вытащил из кармана носовой платок и попросил Валю Соколову завязать его на голове узелочками у правого и левого виска.

— Тоже работнички, с горкой пшеницы не справятся. Вас же там целая армия,— засмеялся Геннадий. На его пыльном, загорелом лице белели зубы.

— Армия в юбках—немогущая армия,— философски изрек Володя Козлов и покосился в сторону девочек.

— Ах, в юбках,— пошли в атаку девочки.— Что бы ты, тихоход несчастный, делал без нас?

Геннадий подождал, пока «немогущая армия» утихомирится, и спокойно сказал:

— А верно, Володька, ты без девчат нуль. Понял? Сам устал, а на них набросился. Я тоже устал. Шабаш, что ли? На пять минут...

Ребята уселись рядом.

Вдали плыл комбайн. Вот он остановился, и из выгрузного шнека в бричку посыпалось зерно. Лошадей погонял подросток, грозно на них покрикивая:

— Н-но, Зорь-ка! Мальчик, поторапливайся!

Лошади отмахивались хвостами от мух, лениво шли по стерне к току. Ребята подбежали к бричке, живо разгрузили ее.

— Подгребайте зерно в кучу,— приказывал Кузьма Гордеевич.

Жара стояла невыносимая. Лишь вечер приносил прохладу и отдых. Придя на полевой стан, школьники первым делом бежали к бочке с водой. Набрав полные ведра, девочки уходили за дом и там плескались, мальчишки тут же, у бочки, отмывали грязь. Приятно освежиться после трудового дня!

Во время ужина верхом на лошади подъехал почтальон. Ребята вскочили с мест, окружили его. Потянулись к газетам — что принесет сегодня сводка Совинформбюро?

— Голенев есть?— выкрикнул почтальон.— Письмо ему.

Геннадий схватил конверт, бегло взглянул на почерк. От мамы. Торопливо вскрыл его. В нем была записка от мамы и письмо от отца. Долгожданное письмо! Тревожно подумал: где теперь отец? Ведь армия отступает...

Отец писал:

«Здравствуй, Геня! Здравствуй, сын! Уже год, как расстались мы с тобой. Уже год, даже с лишним, как я и мои товарищи фронтовики боремся с фашистами за счастье и свободу нашей Родины. За твоё счастье, сын! Это очень трудная война. Я не хочу скрывать от тебя этого. Ты у меня совсем, совсем большой. Тебе пятнадцать лет. Знаю, не легко и тебе сейчас в совхозе. Знаю это и горжусь тобой. Я тут рассказывал нашим фронтовикам, как вы помогаете убирать урожай. Привет вам от них и фронтовое спасибо.

Помнишь, ты боялся, что не будет у тебя возможностей для подвига? Подвиг, мой сын, всегда можно совершить, и тем он замечательнее, что его совершают, не думая о нём.

Через час идем в бой, и думаем все о будущей победе. Сколько предстоит сделать нашему народу и для нее, и после нее! И нам с тобой. Правда, сын?

А сейчас успехов тебе в труде. Пиши о своих друзьях.

Целую тебя.

Твой отец.

Первого июля 1942 года»,—дочитал последнюю строчку Геннадий.

Ребята приумолкли. Каждый проводил кого-то из родных на фронт. Каждый тревожился за него.

— Ну, совсем носы повесили,—пошутил Вадим.—Знаете, что? Давайте примем мудрое решение — спать! А? Согласны?

Ребята невесело засмеялись.

Девочки ушли в дом.

— Вадим, а я в степь,—обратился к Шевцову Толя Володин.

— Никуда. Спать! — отрезал Вадим.

— Но должен же я когда-нибудь поймать перепелку? — Толя вопросительно вскинул брови на Вадима.

Вадим знал, что Толю-птицелова не переубедишь. Если он задумал, то...—и, махнув рукой, буркнул:

— Кому что.

Анатолий неторопливо направился в степь, прислушиваясь, откуда сегодня послышится «фить—пирю».

...Мальчики постлали одеяла на свежей соломе.

— Давайте ляжем по-цыгански, колесом, а утром подниматься первому крайнему,—предложил Борис Ларченко, курносый, задорный паренек.

— А крайнего найдет Вадим,—поддержал Геннадий.

Смеясь, мальчишки легли рядом. На миг наступила тишина. Геннадий смотрел на черное небо, усыпанное звездами. Вслух спросил:

— Интересно, где сейчас фронт?

— А зачем тебе? Лучше, когда не знаешь,— тихо сказал Володя.

— Лучше, когда смотришь опасности в глаза.— Геня помолчал, положив под голову руки.— Когда была финская война, мама купила мне карту СССР. Я повесил ее над кроватью вместо ковра...

— И смотрел опасности в глаза,— сострил Борис.

— Не перебивай, Борька. Тоже мне остряк-самоучка! Нет, правда, ребята, знаете, что я делал? Отмечал флажками места боев и вообще с двумя своими товарищами из пионерского отряда изучал географию. Вот скажите, какие четыре города имеют в своем названии четыре буквы «а»? Скажи-ка, Борька! Или ты только на язык острый?

— Подумаешь, удивил! Алма-Ата,— отозвался тот.

— Караганда,— подсказал Вадим.

— А еще?

Ребята молчали.

— Ну-ка, думайте: третий на Севере, четвертый почти рядом с нами.

— Спать хочется,— зевнул Борис.

— Что те города...— Вадим приподнялся на локте.— А вот Ставрополь вы знаете? Его историю? Читал я в нашей газете статью. Интересная! На горе, где сейчас собор, в 1778 году была построена крепость. А в крепости был сам Александр Васильевич Суворов.

— Вадик, а на углу Дзержинского и Коминтерна стоит дом, где останавливались Пушкин и Лермонтов,— вспомнил Володя.

— А кто жил в доме, где сейчас наша школа, в девятнадцатом веке? Молчите? Значит, не знаете,— торжественно произнес Геннадий.— Коста Хетагуров! Я люблю его стихи. Вот послушайте:

Дешевая лампа едва озаряет
Убогую келью... Некрашенный пол,
Железная печка... Кровать занимает
Всю заднюю стену... Два стула и стол.
Вот вся обстановка обителю тихой,
Заветных мечтаний, излюбленных дум
И честных стремлений. Склонившись над книгой,
Юнец напрягает пылкий свой ум.

— Какую ты мне мысль подал!— подскочил уже засыпавший Борис.— Это будет здорово! Мы устроим вечер в новом учебном году: «Хетагуров в нашей школе». Сегодня первое августа, значит, ровно через месяц...

— Я займусь художественной частью,— перебил его Витя, «мастер художественного слова», как в шутку звали его одноклассники.

Начали обсуждать программу вечера, но усталость брала свое, и они засыпали один за другим.

Проснулись по привычке рано. Начинался обычный трудовой день. Но почему не едут из центральной усадьбы за зерном? Почему на дорогах ни души? Ребята осаждали вопросами Кузьму Гордеевича.

— Едут! Едут!— вдруг раздалось несколько голосов.

Две подводы мчались прямо к току. В одном из ездовых школьники узнали заведующего хозяйством дядю Гришу — маленького, подвижного толстяка, у которого про запас всегда было много шуток и острот. Ребята бросились к нему навстречу, но завхоза словно кто подменил: ни на кого не обращая внимания, он подошел к Кузьме Гордеевичу.

— Собирай имущество, Гордеич. Вакуация.— Новое для многих слово он выговорил с трудом и неправильно.

Кузьма Гордеевич молча нагнул голову, широкие брови сошлись на переносице.

— Хлопцы и девчата,— громко сказал дядя Гриша,— собирайтесь. На вокзал отведу. Да не бойтесь вы,— дядя Гриша улыбкой подбодрил ребят,— успеете до своих мамок добраться...

Немного недоезжая до вокзала, ребята увидели голубой дымок-облачко.

— Поезд! Бежим!

Эшелон был переполнен. Ребята подбегали то к одному вагону, то к другому:

— Мы ученики, урожай убирали.

— Мы из Ставрополя. Возьмите нас.

...Утром третьего августа подъезжали к Ставрополю. Поезд замедлил ход. «Тук-тук-тук»,— стучали колеса. «Тук-тук-тук»,— вторили ребячьи сердца, а мысли о доме мчались вперед, быстрее поезда.

— Как думаешь, Вадим, займут фашисты город? — спросил Геннадий.

— Раз эвакуация, значит, дело плохо,— ответил Вадим.— Из-под кепки, глубоко надвинутой на лоб, смотрели синие

грустные глаза. Лицо Вадима было черным от пыли и паровой копоти.

— А успеем мы уехать? — спросил Борис.

Ему никто не ответил. Поезд подошел к вокзалу. На вокзале ни души. Эшелоны ушли на Кавказскую еще вчера. Наскоро прощаясь, ребята разбежались в разные стороны.

Геннадий и Вадим чуть не бегом поднимались вверх по бульвару главного проспекта. Навстречу шли люди с чемоданами, корзинками, тюками. По булыжной мостовой с грохотом проносились машины.

— Мы хотели идти с тобой на фронт, Геня, — Вадим посмотрел на товарища, — а фронт пришел к нам.

— Вадим, — Геннадий помолчал, поднял на друга глаза, — мне как-то страшно. И... не знаю, что надо делать...

— Сейчас и я ничего не знаю. Время покажет. Ну, до встречи!

На углу Таманской улицы друзья распрощались. Вадим жил на улице Орджоникидзе, Геннадий — на Советской.

ЛЮБОПЫТСТВО ПОБЕЖДАЕТ СТРАХ

— Геннадий, наконец-то! — мать крепко обняла сына. — Я всякое передумала... Ешь и скорее к военкомату.

Пока Ольга Ивановна хлопотала с обедом, Гена прилег на кушетку и сразу уснул.

Вдруг город сотрясли взрывы — один, другой, третий...

— Гена, Гена, проснись! — теребила сына испуганная Ольга Ивановна.

Геннадий сонно, непонимающе посмотрел на мать.

— Проснись же! Фашисты бомбят город. Слышишь? Скорее давай уходить.

Ольга Ивановна выпрямилась. На черные, вьющиеся волосы накинула шелковую косынку, взглядом обвела комнату. Вещи, когда-то такие необходимые, потеряли всякую ценность. Она никогда не показывала сыну свою слабость, а сейчас крупные слезы текли по лицу.

Как во сне услышала Ольга Ивановна голос сына:

— Пойдем же, мама!

В городе царила суматоха. Голеневы торопливо прошли мимо решетчатого балкона крайсуда, вверх по проспекту.

— Мама, а что если все машины ушли?

Ольга Ивановна и сама уже беспокоилась об этом, но сыну ответила:

— Не может быть. Уедем еще. Должны уехать...

Возле военкомата никого не оказалось. Геннадий бросил вещи на ступени, вбежал в опустевший двор.

— Уехали! — закричал он. — Мама, слышишь, уехали! — Геннадий посмотрел по сторонам. — Мишка! — вдруг бросился он к подходившим парню и женщине. — Вот это здорово! Откуда ты? Нас теперь много, не пропадем!

Миша Алексеев и его мать Екатерина Никитична жили с Голеневыми в одном доме. Ребята давно дружили. Сейчас оба особенно обрадовались неожиданной встрече. Вчетвером обсудили, как быть. Решили добираться до Невинномысского шоссе, а там — на попутной.

Едва вышли на окраину, снова началась бомбежка. Теперь уже где-то внизу, у вокзала. Но что это? У ребят от страха расширились глаза: парашютный десант!

— Все... — Миша беспомощно опустился на придорожный камень.

— Не все! — упрямо посмотрел вперед Геннадий. — Идемте!

Кирпичный завод... Дальше — лес. Из-за поворота на дорогу выехала машина. С огромной скоростью неслась она прямо на них. Шофер неожиданно затормозил. Из кабины выскочили солдаты во вражеской форме. Ольга Ивановна побледнела. Миша и Геннадий стояли как вкопанные.

— Город есть русска зольдат? — спросил фашист.

Мальчики переглянулись.

— Мы не знаем, — с трудом выдавил из себя Геннадий.

— Не видели, — тихо повторил Миша.

«Сейчас... сейчас расстреляют!»

Один из солдат обратился к женщинам:

— Матка, иди домой. Там, — солдат махнул рукой в сторону леса, — германская армия. Там, — взмах в сторону Ташлы, — там тоже.

— Ком нах хауз, — приказал другой.

Машина помчалась к городу.

Значит — вперед дороги нет. Все четверо повернули назад.

Город словно вымер. Лишь внизу, где-то возле вокзала, изредка раздавались автоматные очереди. Кто-нибудь выглянет в чуть приоткрытую калитку и тут же спрячется. Этот общий страх давил, угнетал, сковывал ноги.

Взглянув в расстроенное лицо друга, Миша прошептал:

— Давай изучим обстановку, разузнаем, что где?

— Изучай теперь... влипли как мухи в липучку, — Геннадий зло сплюнул в сторону.

Суровое испытание... Может быть, впервые в жизни ребята серьезно задумались, как жить, что делать? Но ребята — всегда ребята. Уже через несколько минут созрел план: разведать, что происходит в центре города.

Тайком от матерей под-над стенами дворов пробрались на улицу Советскую.

— Геня, вон они... смотри, — Миша схватил друга за локоть и, плотнее прижавшись к забору, смотрел на солдат-связистов, опоясывавших

столбы красными телефонными проводами. Из машины на дорогу вышли двое солдат. Поймав на себе недружелюбные взгляды ребят, один из них нахмурился, крикнул:

— Вэк!

Мальчики побежали к своему дому.

Во двор уже въехали вражеские машины. Из машин вояки вытаскивали примуса, ведра, кастрюли, что-то в плотных бумажных мешках, бежали к водопроводному крану, тут же, во дворе, мылись, брились, что-то жарили, варили, шныряли в двухэтажный дом, облюбовывая «официрам» и себе квартиры.

Ища поудобнее место для наблюдательного поста, ребята столкнулись со своим соседом Николаем Ивановичем Голубевым. Три дня назад он приехал домой в отпуск, по ранению — лечился в госпитале в Эссентуках.

— И вы не уехали? — обрадовался Геннадий.

— Как видите. Не успел. Генка, тебя мать повсюду ищет. Да вон она и сама сюда идет.

К ним подошла Ольга Ивановна, строго посмотрела на ребят.

— Что ж, на привязи вас держать, что ли? Видите, кругом творится такое... Места себе на нахожу, когда тебя нет дома, Геня, — уже мягче сказала она.

— А у нас теперь и дома нет, — возразил Геннадий. — Где мы будем жить, мама?

— Пойдемте ко мне, — предложил Николай Иванович.

— Вы уже успели найти квартиру? — Ольга Ивановна подозрительно посмотрела на Голубева.

— Иногда, Ольга Ивановна, приходится быть энергичным.

Уже через несколько дней Ольга Ивановна пожалела, что приняла предложение Голубева. Он устроился на службу к немцам, жить под одной крышей с предателем — в предательстве Голубева Ольга Ивановна не сомневалась — было невыносимо.

ЧТО ТАКОЕ ТРАМБЛЕР?

Толя Володин шел по лесу. Здесь теперь было лучше, чем дома. И не заметил, как забрался далеко. Впереди показалась поляна, за ней начинался аэродром. На аэродроме работали люди: свои или чужие? — мелькнула мысль. Люди оборван-

ные, грязные. У Анатолия сжалось сердце: «наши солдаты». Он обхватил тонкое деревце и смотрел на военнопленных...

— Хэндэ хох!

Толя вздрогнул, мгновенно повернул голову в ту сторону, откуда услышал окрик, увидел злобные глаза фашиста и дуло автомата. Бежать! Но тут же понял: «Выпустит всю обойму, и погибнешь, как воробей».

— Партизан? Ком,— гитлеровец ткнул его автоматом в бок.

Анатолий пошел под конвоем на аэродром. Фашист подвел его к офицеру, откозырнул и что-то сказал. Получив распоряжение, он погнал мальчика к работающим военнопленным.

Немец сунул Анатолию лопату и заставил его вместе с другими рыть яму для цистерн.

А у небольшого лесного оврага в это же время произошла другая неожиданная встреча. Голубев, идя из лесу, увидел неподалеку от разбитой легковой машины подростка. Он сидел, пригнувшись к земле. Вязанка хвороста лежала у его ног. «Это ж Геннадий». И, пожалев о ненужной встрече, круто свернул на другую тропинку в лес.

Но Геннадий уже заметил его.

— Дядя Коля! Дядя Коля! — разнесся по лесу звонкий голос.

Голубев досадовал. Не обращать внимания? Генька упрямый, не отстанет. Николай Иванович остановился.

— Что же вы убегаете от меня? — Геннадий запыхался, с подозрением смотрел на Голубева.

— А я не убегая. Задумался, не слышал.

Они подошли к машине, кем-то брошенной во время эвакуации, сели на примятую траву. Николай Иванович сорвал травинку, взял ее в рот, как папиросу. «Сейчас будет допытываться, зачем я здесь. Не скажу же я этому мальчишке, зачем остался в городе». Голубев вспомнил, что было накануне вторжения вражеских войск. Когда стало совершенно очевидно, что гитлеровцы оккупируют Ставрополье, крайком партии создал партизанский штаб. Руководители штаба подбирали надежных людей. Одних зачисляли в партизанские отряды, других оставляли для подпольной работы в городе. Шесть групп для краевого центра. Шесть руководителей этих групп.

Один из них — Николай Иванович Голубев.

— А почему вы не на работе? — спросил Голубева Геннадий.

— Как это почему? Отдежурил и тоже вот дрова таскаю,— Голубев показал на свою вязанку.

— Дядя Коля, а здесь, в лесу, есть партизаны? — неожиданно спросил Геннадий.

— Вот те раз! Зачем тебе они?

— Бороться!

— Ну, бороться-то можно по-всякому,— Николай Иванович помолчал, а потом вдруг задал, как показалось Геннадию, странный вопрос: — Ты знаешь, как можно сразу испортить машину?

— Нет. А что?

— Иди-ка сюда.— Николай Иванович поднялся, подошел к покосившемуся автомобилю и открыл капот:

— Трамблера нет, умно сделали. Трамблер — это сердце машины. Вынь его, и она умрет. Смотри внимательнее. Вот здесь надо отвинтить шурупы и вытащить трамблер. Эта операция занимает не больше трех минут. Понял?

— Понял.

— Ну вот мы с тобой и друзья,— улыбнулся Голубев.

— Дядя Коля, а почему вы это рассказали?

— Почему, почему! Ты же не Алешка-почемучка? — Голубев встал.— Ты вот что, брат, тебе спешить некуда, ты можешь и не торопиться. А я пошел. Мне еще к одному знакомому надо. Встретимся дома. Идет? — Голубев вскинул на плечо вязанку дров и быстро пошел из лесу.

Геннадий смотрел ему вслед. Зачем понадобилось дяде Коле рассказывать про трамблер? Будто Геннадию только и

дела, что трамблеры выкручивать... И внезапно осенила догадка. Геннадий даже по лбу себя стукнул: ой, балда! Вот же балда! Ясно ведь, зачем рассказал!

Весело насвистывая, вышел на дорогу. Радость погасла, когда увидел колонну военнопленных. «Вот за них мстить, за всех!» Неожиданно услышал знакомый голос:

— Голенев!

Всмотрелся.

— Анатолий?! Как ты попал сюда?

Анатолий рванулся к другу, но гитлеровец дулом автомата вернул его на место.

Секунду Геннадий постоял, схватил хмыз и, держась поодаль от пленных, заторопился домой. Задача была трудной — как выручить товарища?

«Я ПРОЙДУ НЕВИДИМКОЙ»

— Мишка, вот дураки мы с тобой. Ну, кто ищет партизан в лесу таком, как наш? Это же кустарник,— Голенев сел на пенек спиленного дерева.

Миша пытался что-то возразить, но Голенев и слушать не хотел.

— Нет их здесь. Точно. Здесь гитлерюги шныряют. Здесь же и Тольку схватили. Вот еще сообразил птицами заниматься. Кругом немцы, а он — птиц... А знаешь, как потом из их лап Тольку вырывали? Было дело! Нина Васильевна, учительница, с Таней Соколовой к начальнику лагеря ходили, целый час убеждали, что Толька никакой не партизан, а просто птицелов. Думаешь, поверили? Как же! Домой к Тольке ездили, коллекцию птиц смотрели. Ну, выпустили... Толька теперь, знаешь, какой на них злой?!

— А кто на них не злой,— отозвался сердито Миша.

— Ну где же все-таки скрываются партизаны?—Геннадий огляделся по сторонам, будто партизаны сию минуту должны были показаться. Тишина. Никого.

Внезапно тишину перерезали автоматные очереди.

— Прячься, Генка.

Ребята, переглядываясь, долго лежали за кустами.

— Никого как будто...— опомнился первым Геннадий.— Давай потихоньку проберемся и посмотрим. Может, партизаны.

Шли тихо, высоко поднимая ноги.

— Может, совсем и не партизаны,— усомнился в своем предположении Геннадий.

— Ну вот проберемся через ров и домой дернем. Назад через лес страшно идти.

Осторожно переступая, подошли ко рву. Геннадий сделал последний шаг и... в ужасе схватил друга за руку. Михаил и сам уже увидел такое, что запоминается на всю жизнь.

Не сговариваясь, пустились прочь от страшного места.

Дробно отсчитывая ступеньки, Геня вбежал в комнату. Резко открыл дверь, столкнулся с матерью.

— Что с тобой? На тебе лица нет,— вскрикнула Ольга Ивановна.

— Мама,— Геннадий обхватил мать руками.— Мама, там людей расстреляли! И дети...— Геннадий разрыдался.

Сжав сына, Ольга Ивановна молчала.

Неожиданно со двора донесся детский крик. Геннадий вздрогнул, вытер слезы. Бросился к окну. Во дворе страшно кричал соседский мальчик: на нем горели брюки. Геннадий схватил ведро воды и вылетел во двор. За ним Ольга Ивановна. Матери маленького Лени не было дома. Ольга Ивановна отнесла мальчика к себе.

Беды наделала Ленина страсть к коллекционированию. До сих пор попадались только гайки, гвозди, коробки, железки. Это были вещи в Ленином хозяйстве важные, но обычные. Кто не видел гвоздя или, скажем, гайки? А тут попалась абсолютно необычная вещица. Что это, Ленька не знал, но бережно положил в карман. «Необычной вещицей» оказался фосфорный запал. В кармане он воспламенился.

Ожог был сильным. Ясно, что без врача тут не обойтись. И Ольга Ивановна послала Геннадия за врачом, которая жила неподалеку. Правда, смущало одно обстоятельство — врач служила у немцев, но выхода не было.

Врач осмотрела ожог, села к столу выписать рецепт. Механически открыла книгу «Отверженные» и вдруг гневно подняла брови: в книгу был заложен портрет Владимира Ильича Ленина.

— Как? Вы держите этот портрет? — она взяла двумя пальцами листок.

Ольга Ивановна в упор посмотрела на врача и спокойно спросила:

— А чей же? Чей же портрет здесь должен быть?

— Фюрера,— нараспев, с особой торжественностью ответила врач.

Геннадий, до этого молча наблюдавший сцену, теперь не выдержал:

— Мама тоже хочет Гитлера повесить. Ой, что я, фюрера... на стенку, — и, следя за выражением лица врача, добавил: — Но, понимаете, денег не хватает.

Сказал и увидел в дверях Николая Ивановича.

Вечером Николай Иванович подошел к Ольге Ивановне.

— Я прошу вас, — сказал он, — предупредить Геннадия, пусть ведет себя умнее и осторожнее.

— А то вам карьеру испортит? — злые глаза Ольги Ивановны уставились на Голубева. — Мой сын честнее некоторых... Можете идти и заявить о нас. Ваше право...

Голубев побледнел.

— Я прошу вас предупредить Геннадия, — тихо, настойчиво повторил он. — Геннадий молод, может наделать глупостей. А вы должны понимать, что героизм совсем не в этом.

Он вышел. Ольга Ивановна широко раскрытыми глазами смотрела на дверь, которая только что закрылась за Николаем Ивановичем.

...Геннадий вертелся на своем старом дворе. Убедившись, что возле машин солдат нет, он поднял капот, вытащил из кармана отвертку и шепнул Мише:

— Отвинчиваю шурупы, снимаю вот эту штучку, она называется трамблером, и машина вышла из строя. Понял?

— Как быстро! — восхитился Миша.

— Это меня один человек научил. Ты тоже запасись этой штучкой, — показал он отвертку.

В тот же вечер Геня рассказал матери, что в их бывшем дворе стоит много машин, и завтра они должны отправляться на фронт. В машинах мешки с продуктами.

— Сегодня ночью мы фрицев «накормим»,— Геннадий улыбнулся.

Ольга Ивановна похолодела.

— Не смей, если поймают...

— Будь спокойна, я пройду невидимкой.

...В маленькой квартире все спали, когда Геннадий поднялся, сунул ноги в спортсменки и неслышно вышел из дома. Прячась в тени, он прошел несколько улиц и наконец добрался до своего бывшего дома. Миша уже поджидал его. Они пошептались и ловко, бесшумно, пробрались к машинам. «Русского хлеба вам?! Пожалуйста...» Геннадий лезвием безопасной бритвы быстро разрезал тугие мешки и обливал их керосином. В другой машине орудовал Михаил.

Вражеский патруль ходил за стеной. Отчетливо слышались размеренные шаги. Шаги приблизились. Ребята притаились. Патруль, обойдя вокруг машин, снова вышел на улицу. Пора было уходить.

Утром мать первым долгом посмотрела на кровать сына. Геннадий спал. Сквозь сон он почувствовал на себе внимательный взгляд. Открыл один глаз и, улыбнувшись, попросил мать наклониться к нему.

— Мы «накормили» фрицев...— Геня не договорил, засмеялся.

— Геннадий, я не отпущу тебя больше,— строго, но не очень уверенно сказала мать: она понимала, что сына не удержит.

АНДРЕЙКИНА ТАЙНА

Дорога! Бесконечная дорога по осиротевшим, никому сейчас не нужным полям.

Николай Иванович и Геннадий молча тянут тачку с вещами. В Грачевке они обменяют их на муку. И назад. Так сказал Николай Иванович матери Геннадия.

К вечеру пришли в село. Голубев направился ко двору с железными воротами и, стукнув три раза в угловое окно, стал поджидать. Через несколько минут вышла молодая женщина в голубой косынке. Строго взглянув на пришедших, спросила:

— Что вам нужно?

— Приют и внимание.

— Для хороших людей, пожалуйста.

Пароль! Сердце Геннадия сильнее забилося от счастья. А он-то и не догадывался, что совсем не бараклом будут заниматься в селе!

— Ну, здравствуйте! — протянула женщина Голубеву руку.

— Здравствуйте, Евдокия Антоновна, — и шепнул: — В вещах взрывчатка.

Хозяйка взяла из рук Геннадия тачку и повезла ее к сараю.

Не успели гости умыться, как появился сын Евдокии Антоновны, Андрейка. Большие серые глаза и упрямо сложенные губы делали лицо его недетски серьезным. Быстро, как это и бывает у ребят, познакомились с Геннадием, вместе сели у стола рассматривать принесенную Андрейкой зажигалку. Андрейка улыбался, показывая ровные зубы:

— Это я нашел.

— Рад? — спросил Геня.

— Рад, потому что... — Андрейка умолк и посмотрел исподлобья на гостя. Не мог же он сказать незнакомому мальчику, для кого предназначена зажигалка.

— Сейчас затопим печь, мама галушек сварит на ужин, — переменял разговор Андрейка.

«Чего он зубы заговаривает?» — подумал Геня.

В другой комнате Евдокия Антоновна принимала от Николая Ивановича листовки. Их было немного, может быть, поэтому он особенно бережно вложил их в руки подпольщицы.

Евдокия Антоновна спрятала листовки в угол русской печи, толкнула ногой плотно прикрытую дверь и вышла. Проходя мимо ребят, приказала сыну:

— Андрей, принеси соломы к печке.

Скоро Евдокия Антоновна позвала мальчиков ужинать. Они не заставили себя упрашивать, быстро сели за стол. Над мисками поднимался пар. Во время ужина Геня заметил, как Андрейка спрятал свой хлеб в карман залатанных штанов. «Кому это он?» Но и свою порцию хлеба подсунул Андрейке.

— Ты ешь. Правда, вкусные галушки? — заискивающе спросил Андрейка, молча опуская в карман кусочек хлеба, отданный Геннадием.

Геню кольнула обида: ишь хитрит, не доверяет! Да они с дядей Колей, может, по такому важному заданию пришли, что Андрейке и не снилось! Потом мысленно оправдал Андрея. А почему это он должен ему все выложить? У него, вер-

но, есть свои друзья... «Не скажет, и не надо»,— успокаивал себя Геннадий.

Перед сном Андрей налил свежей воды в чистую бутылку и лег возле гостя одетым. Затаив дыхание, он лежал с закрытыми глазами. «Тоже мне конспиратор,— усмехнулся Геннадий.— Вот возьму и спать не буду». А как уснул— не заметил. Тогда Андрейка неслышно приподнялся, нащупал на полу туфли и, держа их в руках, на цыпочках вышел из комнаты. Не в первый раз он совершал путешествие к разрушенному кирпичному заводу. Ловко спустился в горно, разбросал кирпичи и влез в образовавшуюся дыру. Кто-то радостно называл его по имени.

— Дарик, это я. Поесть тебе принес, и еще— зажигалку. Немного припоздал, не обижайся. У нас сегодня гости из города. Ждал, пока уснут.

— Кто?

— Какой-то дядя с парнем. Он хороший— отдал свою порцию хлеба тебе.

— Не расспрашивал?— встревожился Дарик.

— Нет,— успокоил Андрейка.— Я бы все равно ничего не сказал.

— Не говорили они о фронте? Ты незаметно расспроси их, а?

— Хорошо, я все разузнаю, а ты не бойся, ты лежи тут и все. Завтра я достану лекарств и бинт, тогда сделаю тебе перевязку.

— Я уже и так лежу, лежу...— Дарик вздохнул.— Ты не забудешь расспросить о фронте?

— Не забуду,— откликнулся Андрейка.

...Познакомился Андрейка с Дариком так. В полдень он возвращался со степи и наткнулся на раненого мальчика. Черные глаза мальчика были широко открыты, запекшиеся губы шептали: «пить». Андрейка мигом спустился в овраг, набрал родниковой воды в наскоро сделанный из лопуха ковшик и напоил мальчика.

— Ты полежи тут, а как стемнеет, я приду. Хорошо?

Дарик испуганно прошептал:

— А они не придут? Не будут... стрелять?

— Нет,— успокоил Андрейка, и что было силы пустился к дому.

Так началась их дружба...

— Ты подожди, не уходи. Мне теплее с тобой,— просит Дарик.

— Хорошо, я посижу немножко.

Андрейка поправил принесенную из дома подушку, заботливо укрыл Дарика старым стеганым одеялом и спустя полчаса выбрался наверх. Побежал к дому. Он знал, что на окраине фашистов нет, но можно наткнуться на разъезд патрулей, и тогда беда.

Бесшумно Андрейка открыл дверь, разделся и ближе придвинулся к Геннадию. Согнулся калачиком, несколько раз вздохнул от пережитого волнения и заснул.

На рассвете проснулся первым. Не шевелясь, Андрей долго лежал с открытыми глазами, потом тихо встал, оделся и вышел во двор.

Розовело небо. Андрейка глубоко вдохнул утренний свежий воздух, посмотрел на выгон и только собрался лезть под порог к спрятанным от фашистов курам, чтобы посыпать их зерна, как показался Геннадий.

Перебирая овес в маленьком проржавленном ящичке, Андрейка вопросительно взглянул на него.

— Ты хочешь у меня что-то спросить? — понял Геннадий.

— Да, хочу. Скажи честно, ты не знаешь где наша армия?

— Честно отвечаю: не знаю.

— А я думал, раз ты городской и побойчее нас, то знаешь,— разочарованно протянул Андрейка.

— Да я узнаю, честное слово, узнаю и скажу, когда еще придем. Дядя Коля говорил, я слышал, через неделю-две мы опять здесь будем.

— И тогда скажешь? — с надеждой посмотрел на него Андрейка.— Мне очень нужно, понимаешь?

«ПРИДЕШЬ КО МНЕ!»

«Что же ты ничего не предпринимаешь, Вадим? Ты же комсомольский секретарь,— думал о себе Вадим, распиливая вместе с матерью сучковатое дерево, принесенное им из лесу.— Незнакомые тебе мальчишки вытащили из немецких машин аккумуляторы и побросали их в овраг. Как тогда немцы бесились! Генка где-то пропадает, может, и он что делает. Таня Соколова и та уже героический поступок совершила, Тольку освободила. Пусть вместе с Ниной Васильевной. Пусть!».

И вдруг Нина Васильевна предстала перед ним не просто учительницей. Она же коммунистка. Как он не подумал об этом раньше! И приглашала она его к себе! Наверное же, не блины есть!

— Дурак! — выругался он вслух.

— Кто дурак? — спросила мать, худенькая черноволосая женщина.

— Я.

— Это почему же?

— Потому, что к учительнице не пошел.

— А что тебе там?

— Надо, мама.

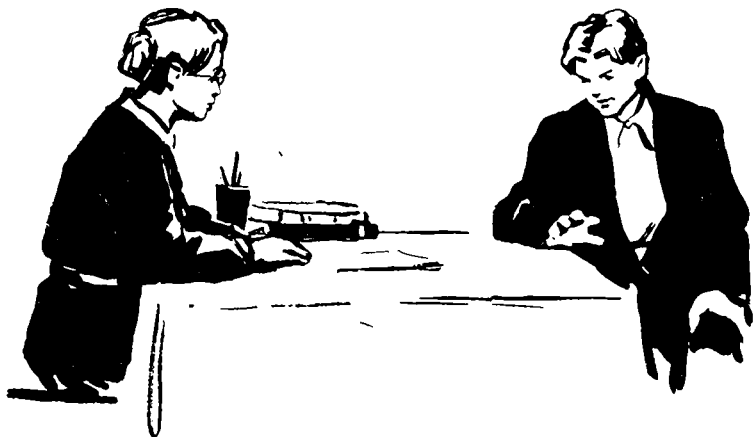
— Раз надо, иди.

Мать была уверена, что Вадим глупостей не натворит. Ее муж приучил сыновей — старшего Сергея и младшего Вадима — к рассудительности и самостоятельности. Сейчас, когда Сергей и отец были на фронте, Вадим стал особенно серьезным.

Вадим аккуратно сложил в сарае дрова, переделался и отправился к учительнице.

У Нины Васильевны встретил Толика Володина, Таню Соколову и Валю Зорину. Они оживленно разговаривали. Оказывается, все были очень хорошо осведомлены о том, где что происходит. На заводе «Красный металлист» почти ежедневно выпускают брак. Возле Пелагиады поезд сошел с рельсов и, говорят, что это не единственный случай. По городу расклеены приказы о мобилизации юношей и девушек в Германию, а рядом — листовки, призывающие бороться с оккупантами.

Вадим спросил у Анатолия, как он живет. Отвечая на вопрос, Анатолий поймал на себе внимательный взгляд Шевцова. «А Толька-то взрослее стал», — подумал Вадим.

— Вам нужно быть дружнее сейчас, чаще встречаться,— посоветовала учительница, провожая ребят.

— Вадим, ты можешь задержаться?— обратилась Нина Васильевна к Шевцову.

Когда они остались вдвоем, Нина Васильевна усадила Вадима за стол, сама села напротив.

— Вадим, я верю в твердость твоего характера, поэтому буду с тобой откровенна. Но прежде ответь: ты что, сложил с себя полномочия комсомольского секретаря?

— Нет, Нина Васильевна! Вот я и пришел, чтобы посоветоваться с вами, что делать?

— Тогда вот что. Свяжись со своими комсомольцами, с надежными ребятами. Возьмите под наблюдение здание гестапо. Присмотритесь, кто часто ходит туда из русских. Проследите потом, где он живет, узнайте у соседских ребят его имя и фамилию и сообщите мне. Разумеется, Вадим, что о моем разговоре с тобой никто не должен знать. Никто. Понял? Это одно. Другое. Молодежь забирают в Германию. Вы можете этому помешать. Как это сделать? Возле фашистских воззваний пусть ребята наклеивают наши листовки. Поручи это расторопным парням и девочкам. Кстати, привлеки и Геннадия Голенева. По-моему, его боевой характер подходит к любому заданию. Только держи его в руках, чтобы он головы не терял. Смелость ведь тоже должна быть умной. Он недавно на улице наскочил на меня,— учительница улыбнулась.— Взъерошенный, как воробей. Что с тобой, спрашиваю.

Говорит, немцев навел на ложный след — они одного товарища искали. Ну, немцы почувствовали, что мальчишка крутит, и за ним... Да ты знаешь его, на всю школу был самым отчаянным! Словом, ты, Вадим, смотри. И зря никуда не лезьте. Понял? Дня через два придешь ко мне.

— А листовки мы сами напишем, Нина Васильевна?

— Я сказала, придешь ко мне!

КОМСОМОЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

Ольга Ивановна уже в который раз заглядывала в опустевший чемодан. Что продать, чтобы купить хлеба и картошки?

А сегодня Ольга Ивановна сказала:

— Я больше не могу...— Слезы задрожали у нее на ресницах. И, чтобы не показать их, нагнулась, будто в поисках шпильки, а сама украдкой вытерла глаза.

— Больше ты, мама, не пойдешь менять вещи. Я буду работать.

Геннадий видел, как вздрогнула мать.

— На немцев? Нет, нет, сынок...

— Да, мама,— твердо сказал Геннадий.— Нас же трое,— он показал на маленькую соседскую девочку Галю. Она подняла бледное личико на Геннадия, указательным пальцем старательно ковыряла дырочку в сатиновом платье.

...Отец Гали погиб в самом начале войны. Мать осталась одна с тремя детьми. Получала на детей пенсию, сама работала. Жили не богато, но и безбедно.

С приходом гитлеровцев поняла: не прокормить ей, нет, не прокормить троих детей... Хоть и устроилась на хлебозавод, грузчицей в цех. Из-за лишнего куска хлеба работала часто по две смены.

Голеневы старались, как могли, помочь этой семье. Особенно жалели маленькую Галочку, синеглазую, с крошечными косичками — на чем только и ленточки-тряпочки держались! И девочка привязалась к ним, а за Геннадием так и ходила по пятам. Мать уходила на работу, Галочка тут же являлась к Голеневым.

— Что сегодня будем? — деловито всякий раз спрашивала она Геннадия. И Геннадий предлагал ей много всяких, одно важнее другого, «дел», но почти всегда первым Галиным же-

ланием было жарить кукурузу — и интересно, и поесть можно!

Геня брал Галочку на руки, доставал из кармана желтые зерна и бросал их на плиту. Когда кукурузинки начинали подпрыгивать и распускаться, словно маленькие белые цветы, девочка хлопала в ладоши и заливалась счастливым смехом. Радость девчурки откликнулась болью в сердце Гени. Чтобы хоть как-то скрасить безрадостные дни своей синеглазой подруги, Геня мастерил ей деревянную лодочку, рисовал куклу с огромным бантом, домик с трубой и дымом, деревья, дорогу и солнце с длинными лучами...

Осторожный стук в дверь. Вошел Миша, поздоровался и взглядом показал Гене на дверь. Тот понял его, вышел.

На улице поджидал Вадим.

— Геня, мы решили пригласить тебя на наше... — Вадим замолчал, пока мимо проходил гестаповец, — на... наше собрание. Сможешь?

— Еще спрашиваешь? — Геннадий сиял. — Что, важные дела предстоят, да?

— На собрании решим, что и как. Ну, так идем?

Недалеко от дома, где жил Вадим, на камне сидел маль-

чик. Когда Вадим и Геня поравнялись с ним, мальчик лукаво подмигнул и как ни в чем не бывало продолжал обстругивать перочинным ножом длинную палку.

Квартира Вадима Шевцова была удобна для сбора: она имела два выхода — один в сад, другой на улицу. Войдя в комнату, Геня увидел старых знакомых: Валу Зорину, Таню Соколову, Виктора Мищенко, Бориса Ларченко, Толю Володина и других ребят из бывшего седьмого «в». Все сидели необычно торжественные.

— Ребята! — негромко начал Вадим. — Комсомольское собрание считаю открытым.

Это были сейчас особенно значительные слова. Голос у Вадима дрогнул. Волнение передалось остальным. Валя нервно теребила косу, Таня обвела заблестевшими глазами присутствующих, заметила, как еще строже нахмурился Анатолий. Борис покраснел, и от этого сильнее обозначились веснушки на носу. Чуть подавшись вперед, жадно слушал Вадима Геннадий.

— Ко мне попала одна из листовок, сброшенных нашим самолетом, — продолжал Вадим. — Ставропольский крайком комсомола призывает нас активно бороться с врагом. Слушайте...

«Дорогие товарищи, друзья! Часть территории Ставропольского края временно оккупирована врагом. Недалек тот день, когда Красная Армия освободит вас, но для этого нужна и ваша помощь. Объединяйтесь в подпольные группы, партизанские отряды и срывайте все мероприятия оккупантов...»

Листок дрожал в руках Вадима. Звонким голосом он дочитал:

«Не дайте одурачить и угнать в гитлеровскую Германию молодежь».

Вадим посмотрел на товарищей:

— Вы видели, сколько фашистских плакатов расклеено по городу? Давайте возле них наклеим наши листовки?!

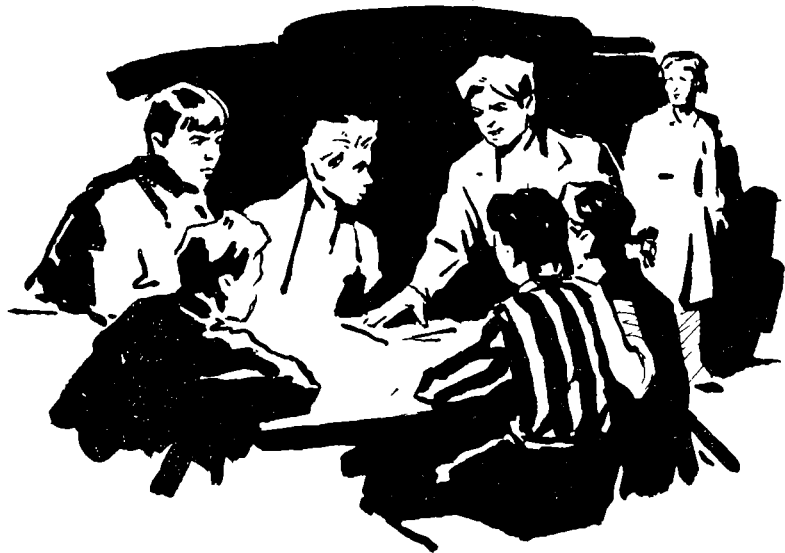
— А где мы возьмем столько листовок, — озабоченно спросил Виктор.

— У меня есть штук тридцать, — сообщил Шевцов.

— А что, если размножить? — воодушевился Борис.

— А машинку где возьмешь? — спросила Валя.

— Ну, это пустяки. «Позаемствуем» из машины у каких-нибудь фашистских растяп, — сверкнул озорными глазами Голенев.

— Не надо, Геня, мы от руки напишем. Зачем рисковать?— возразил Шевцов.

— Из одной десятка сделаем,— оживилась Валя.

— Ребята, но есть у нас и другое дело,— снова продолжал секретарь,— незаметно нам надо установить дежурство у здания гестапо, чтобы узнать, кто предает советских людей. У меня есть предложение, чтобы этим делом занялись Борис, Виктор, Валя. Я тоже буду с ними.

— И я.

— И я.

— Дел хватит всем. Дежурство устанавливаем с завтрашнего дня. С утра—Борис и Виктор, с обеда—мы с Валею. Предупреждаю, торчать у здания нельзя. Продумайте, как вести себя, чтобы не мозолить глаза, но видеть входящих и выходящих. Проследите за подозрительными, узнайте, где живут, и скажете мне. Тебе, Геннадий, особое поручение. На хлебозаводе работает много подростков. Устройся туда и предупреди ребят, чтобы не попались на удочку врага и не поехали в Германию. Ну, всем ясно задание? А теперь за мной, и кто куда.

Вадим выпустил ребят в сад, с девочками вышел в парадную дверь.

ДРУЗЬЯ ДЕЙСТВУЮТ

Прошло несколько дней. Геннадий устроился чернорабочим на хлебозавод. Вместе с другими подростками разгружал машины с мукой. И стоило мальчикам замедлить темп работы, как ходивший рядом гитлеровец окриком поторопливал их.

Разгруженная машина ушла. Ребята сели на бревна. Невесело смотрели глаза. Невысокий чернявый парнишка повернул вверх ладонями руки, лизнул языком прорвавшуюся кровавую мозоль, сплюнул и со вздохом выдавил:

— Эх, жизнь!

— Сиди, без тебя тошно,— обозлился на него один из товарищей.

— Тошнее будет тем, кто поедет в Германию,— вмешался Геннадий.— Только дураки верят в красивые картинки о райской жизни там...

Геннадий не успел договорить: к ребятам направлялся гитлеровец. Он подошел вплотную и потребовал носить дрова.

— Это не наша обязанность!

— Нам положен получасовой перерыв!

— Иди отсюда, морда, — прошипели ребята.

Видимо, лицо Геннадия ярче всех выражало ненависть, потому что солдат замахнулся на него. Вдруг кто-то из ребят ударил немца головой в живот и свалил на землю. Немец вскочил, выхватил из чехла финку. Секунда — и нож ударил бы Геннадия. Двое ребят, стоявших позади, вовремя схватили гитлеровца за руки. Обозленный Геннадий сшиб гитлеровца, зло усмехнулся.

— Пруссак попал в просак. —
Оглянувшись, добавил:— Бежим, ребята.

Почему Геннадий избрал самый людный путь, он и сам бы не смог объяснить. На проспекте, на противоположном углу от гестапо, увидел

Валю и Вадима. Девушка что-то оживленно говорила, смеялась. Кому могло придти в голову, что ее интересует не сверстник, а массивная дубовая дверь

страшного учреждения. Она могла широко открыться, пропустить в здание какую-нибудь жертву и захлопнуться для нее навеки. Из этого здания свободно выходили только предатели.

Ребята не видели, что делалось там, внутри, не слышали, как майор гестапо Шульц внимательно выслушивал сообщения Егора Шкуркова. «Он, пожалуй, более полезен, чем иные мои офицеры». А тот, комкая в руках клетчатую кепку, заискивающе смотрел на Шульца и выкладывал:

— Не все коммунисты прошли регистрацию. Иван Кузьмич Коновалов с Подгорной, Антонина Петровна Мазалева с Торговой не выполняют ваши приказы.

— Карош, Егор,— ободрял Шульц и давал наставления на своем языке.

Переводчица повторяла: — Нужно строже следить за населением, обо всех подозрительных докладывать герру Шульцу.

— Постараюсь, господин Шульц, постараюсь.

— Скажите ему,— обратился Шульц к переводчице,— в России он был пре-

ступником, а у нас станет первым человеком, если будет исправно служить армии фюрера.— И, протягивая пачку немецких денег, обратился к Егору на русском языке:

— Я буду карош платить, Шкуркоф...

Тяжелая дверь широко распахнулась, выпустила на улицу предателя. Воровато озираясь по сторонам, он поторопился отойти от здания. Валя и Вадим заметили его. Определенно продался! Пошли за ним!

Голенев не затронул товарищей — он знал, почему они здесь.

...Ольга Ивановна при виде сына удивилась:

— Как? Ты не на работе?

Геннадий рассказал матери о случившемся.

— Они же найдут тебя!— голос Ольги Ивановны задрожал.

— Не бойся, мама, я не свою фамилию назвал, когда оформлялся. И адрес дал неправильный.

Мать облегченно вздохнула.

— Генька, Генька, когда ты меня мучить перестанешь? Горячая ты голова...

В небе послышался гул самолета. Гул все ближе, ближе. Геннадий кинулся к дверям.

— Куда?— крикнула Ольга Ивановна.

— Это же наши, мама! Понимаешь, наши!

Соседи стояли под ореховым деревом и следили за самолетами. Самолеты спокойно кружились в воздухе. Казалось, летчики шлют привет тем, кто был отрезан от родного мира.

Но вот самолеты развернулись, сбросили первые бомбы.

— Казармы бомбят,— уверенно определил Геннадий.

— Немедленно иди в бомбоубежище,— приказала Ольга Ивановна.— Умереть и от своей бомбы страшно.

Геннадий нехотя повиновался.

«ЧТОБЫ НА САМОМ ВИДНОМ МЕСТЕ!»

Настойчивая мысль не давала покоя: как сдержать слово, данное Андрейке? Как узнать, где фронт? Вадим не знает, а дядя Коля не скажет. Не любит он, когда к нему пристают с вопросами.

Геня сидел у окна. Ветви деревьев качались от ветра, за-поздалые пожелтевшие листья лениво кружились в воздухе.

Послышались шаги. В комнату вошел Миша.

— Знаешь что? Идем со мной на вокзал выбирать из шлака уголь.

— Зачем?

— Зачем, зачем... Дрова тебе не надоело таскать? Дедушке Егору обед понесем, чтобы пустили.

Геннадий согласился.

По пути задержались у своей школы, на одной из стен ее кто-то написал углем «Капут Гитлеру».

Геннадий схватил Михаила за руку.

— Вот бы и нам такое, а? На самом видном месте! Или, знаешь, что? Или лучше лозунг... на красной материи — и повесим на нашем доме!

— Здорово! Но на нашем доме не надо — сразу найдут, кто сделал.

— Ладно. Решим на обратном пути, — согласился Геня.

Дедушку Егора они нашли не сразу. Когда на них кричали патрули, мальчики показывали дедушкин обед — борщ, мамалыгу, картошку в мундире — и сбивчиво объясняли, что тут работает дедушка — гротсфатер. Возле багажного отделения они вышли на перрон, побежали к будке.

Дед Егор раньше работал стрелочником. Приказу оккупантов явиться на работу он не подчинился. Тогда за ним пришли свои железнодорожники и уговорили.

Дед был очень рад приходу внука и его товарища. И солдат-часовой тоже почему-то улыбнулся. Может, ребята напомнили ему дом, семью. Он похлопал по плечу Геню и вышел.

— Определенно, рабочий. Впервые вижу доброго немца, — сказал Миша.

— Может, даже коммунист, — предположил Геннадий.

Дедушка спросил Мишу, как здоровье мамы, почему не приходил долго.

— Мама прихворнула, и я не мог никуда отлучиться. Не сердись, дедушка. А когда мама была здорова, в лес ходили, за дровами. Мы их продаем, чтобы хлеба купить.

— И не жалко вам леса-то? Лучше почаще приходи сюда, уголька всегда добудем.

— Дедушка, а тебе тяжело? Работы много? — заботливо спросил Миша.

— Э-э-эх, что работа! От работы не тяжело. Тяжко, когда хлебушек наш увозят. Добро наше. А ты стоишь, да еще и зеленую улицу им даешь... Да что говорить! — дед махнул рукой. — Пойдем лучше покажу, где уголь-то...

По дороге домой ребята то и дело посматривали по сторонам: искали подходящее здание для осуществления своих замыслов. У недостроенного кинотеатра Миша схватил Геннадия за руку.

— Здесь!

— Мишка! Ты гений! — в восторге закричал Геннадий.

— Тише ты, тоже мне, не соображаешь, что ли. Давай лучше посмотрим, как на него забраться.

Присмотрелись, увидели сложенный пирамидой кирпич. Очень кстати! Легче будет взбираться на стену.

Пришли домой и сразу же принялись за работу: что-то резали, клеили, писали, шептались.

Николай Иванович — он два дня болел и был дома — заметил странное поведение ребят. «Не натворили бы чего!»

— Что это вы в сарае пропадаете? — подозвал он Геннадия.

— Да так, делать же нечего... — уклонился от ответа Геня.

«Ишь ты, не доверяет», — усмехнулся Николай Иванович. — «Тожe хорошо». И вслух добавил: — Смотри, Генка, дров не наломай!

— Дядя Коля, а дрова-то сейчас в почете, и наломать можно! — Геннадий лукаво посмотрел на Николая Ивановича и вернулся в сарай.

...Ребята остались довольны своей работой.

— Чтобы на самом видном месте! Вот фашисты взбесятся! — посмеивался Миша.

Друзья аккуратно расстелили полотнище на земле за дровами, почистили припачканные мелом брюки и вышли из своего убежища. Геня запер дверь и ключ положил в карман.

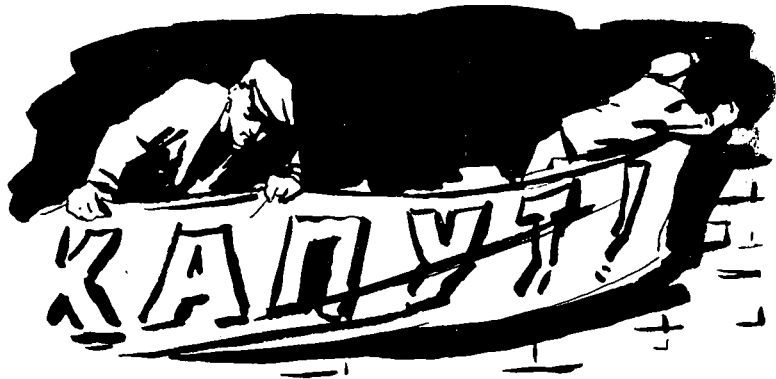
— Значит, когда совсем стемнеет, я буду у тебя.

— Договорились.

Нестроенное двухэтажное здание кинотеатра находилось на высоком месте. Южная — парадная часть — пустовала, захлавленная кирпичом и всяким мусором, а северную, глухую сторону его, фашисты превратили в склад.

Склад охранялся часовыми днем и ночью. Это усложняло положение ребят. Да без трудностей ведь и не интересно!

Первая попытка не увенчалась успехом. Ребята долго всматривались в темноту, в маячившую фигуру фашиста с автоматом, и никак не решались перебраться через дорогу. Улучив удобный момент, Геннадий пополз на четвереньках, зорко глядя на здание кинотеатра. В тот миг, как из-за угла появился солдат, Голенев слился с мостовой. Часовой снова

скрылся за угол, а Геннадий неожиданно вернулся назад.

— Что-то струсил я,— виновато прошептал он Мише.

— Давай лучше высчитаем, сколько времени затрачивает часовой, пока обойдет три стороны,— предложил Миша.

— Давай,— согласился Геня. Почти одним дыханием они считали до ста тридцати—ста сорока, но в ту ночь так и не решились перебраться к кинотеатру.

Вторая ночь показалась ребятам темней вчерашней, небо заволочло тучами, ветер нагонял мелкий дождь. Ну, что ж! Это им на руку.

Первым к театру пробрался Миша. Вот он скрылся в здании, выглянул в окно. Геннадий, дождавшись, когда часовой завернул за угол, побежал, низко пригнувшись к земле.

Некоторое время ребята стояли в нерешительности. Стоило часовому свернуть за угол, как Миша начинал считать. Счет он доводил до 150 и, когда гитлеровец был рядом с ним, за стеной, начинал снова. Высчитал. За эти «сто пятьдесят» можно было взобраться наверх. Осторожно влезли на стену, легли на ней, потом растянули материю и, спустив ее, начали класть камни. Тихо, без единого стука. Стук, даже глухой, привлечет внимание часового. Но Миша сплеховал. Камень вырвался из задрожавшей руки и полетел на землю. Ребята не дыша прижались к стене, потянув к себе кусок материи, чтобы спрятать белевшие в темноте буквы.

Часовой наткнулся на камень, которого раньше здесь не было, зажег фонарик, внимательно посмотрел вверх, заглянул внутрь здания и, ничего не заметив, пошел опять размеренным шагом. Чтобы рассеять его подозрительность, ребятам

пришлось долго лежать неподвижно. Занемели руки и ноги. Наконец неслышно положили на материал еще несколько камней, так же неслышно спустились на землю.

...Ранним утром Голубев возвращался с дежурства — он работал истопником в гитлеровском штабе. Внимание привлек народ, собравшийся на углу Советской улицы. Люди оживленно разговаривали, а тем, кто подходил впервые, показывали на здание кинотеатра.

Николай Иванович ахнул от неожиданности. Лозунг на ярко-красной материи призывал: «Ставропольцы, боритесь с врагом! Гитлеру капут!» Он увидел, с какой злобой сорвали лозунг два солдата, заметил в толпе Геннадия. Вид у Геннадия был торжествующий. «Он!»

Николай Иванович подозвал его, взял за руку.

— Идем.

Когда они скрылись за углом, Николай Иванович остановил Геннадия.

— Ты?

— Я и Миша.

— Так, ясно... Крутился-то зачем в толпе? У тебя же в глазах всякий прочтет, кто это сделал. Вообще-то молодцы,— неожиданно улыбнулся Николай Иванович.— Не рискуйте только больше. А листовки ты видел?

— Я их раск... я о них рассказывал кое-кому,— вывернулся Геннадий. Про себя подумал: «Не скажу же ему, что и листовки расклеивал, еще хвастуном сочтет».

Дома Геннадий уселся за стол, вырвал из тетради лист бумаги, взял химический карандаш. Задумался. Медленно вывел первые слова: «В подпольную комсомольную организацию. От ученика седьмого класса Голенева Геннадия Ивановича». Погрыз кончик карандаша. Снова склонился над столом. «В нашем городе враг. Мы боремся с ним. И в такое время я не нахожусь в рядах комсомола! Я обещаю быть стойким, честное слово! Я борюсь и буду бороться, как умею. А придет время, прошу вас, товарищи, назвать и меня членом великого Ленинского комсомола. Г. Голенев».

Геннадий перечитал.

— Что ты там сочиняешь?— услышал он вопрос матери.

«Скажи ей, опять забеспокоится. Лучше не скажу».

— Да, так. Из-за гитлерюг этих и писать разучишься.

Геннадий поднялся по лестнице на чердак, осмотрелся. Увидел в самом углу треснувшую балку, засунул в нее заявление...

НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

После бомбежки советские самолеты легли на обратный курс. В небо поднялись вражеские истребители. Завязался бой. Геннадий сидел на крыше, подняв голову вверх. Машина с черной свастикой начала падать, оставляя за собою дымный хвост.

— Фашист горит! Наш победил!— кричал тогда Геня не помня себя.

Но однажды сбили советский самолет. Он упал далеко за городом, Геннадий помчался к Вадиму.

— Вадим, там,— Геннадий махнул в сторону Лысой горы,— наш самолет упал. Бежим.

Заскочили за Мишей и напрямик, минуя проезжие дороги и вражеские контрольные посты, торопились к месту катастрофы. Вот они уже почти у цели. Но там, у догорающего самолета, хозяйничали гитлеровцы. Обшарив все, они уехали. Ребята подбежали к дымившемуся самолету, вернее тому, что было раньше самолетом. Возле него в обгоревших черных комбинезонах лежали два летчика.

— Мы их похороним,— решил за всех Вадим.

— Похороним по-настоящему, завтра. И с цветами,— Геннадий сжал кулаки.

Дорогой ребята выработали план. Голенев пойдет к Вале Зориной и через нее даст задание девочкам собрать цветы. Вадим и Миша придут на гору с лопатами.

Валя сама увидела в окно подходившего Геннадия, выбежала навстречу, потянула в дом.

— Что так давно не был?— Валя радостно смотрела на Геннадия.— Да ты садись, садись!— суетилась она, пододвигая то стул, то табуретку.

— Некогда, Валя, я по делу. Вот что...— Геннадий рассказал Вале о задуманном.

— Так идем к Нине Васильевне, там у нее девочки сейчас собрались. Еще бы немного, и меня ты не застал,— уже закрывая дверь, досказала Валя.

...В назначенное Геннадием время девочки с цветами, спрятанными в корзины, подходили к условному месту.

— Ну вот, хорошо, а то меня ребята заждались там.

— Геня, мы с тобой,— попросила Валя.

— А не боитесь?

Таня и Валя переглянулись.

— Ну ладно, идите по двое, чтобы не вызвать подозрений.

Геня и Валя первыми начали подниматься по дорожке, ведущей в лес.

Вадим и Миша ждали у свеженасыпанного холмика. Голые ветки кустарника свисали на могилу. Завидев Геню и девочку, Миша поднялся, замахал руками.

— Как ты долго,— упрекнул Вадим.

— Девочки цветы искали, пришлось ждать.

— Мы бегали на окраину города к садоводам и собирали по цветочку, сейчас ведь цветов уже мало,— оправдывалась Валя.

— А мне Толик помог. Он знает всех цветоводов своей окраины,— шепотком проговорила Таня, словно боясь разбудить тех, кого уже приняла земля.

— Когда вернутся наши, мы им памятник поставим,— Вадим встал возле холмика.

— И высечем на камне: «Здесь похоронены советские летчики. Погибли в воздушном бою в 1942 году».— Геннадий встал возле Вадима.

Девочки склонились над могилой, обложили ее венками.

— Когда хоронят героев, всегда салютуют их памяти. А мы... а мы давайте споем. Тихонько!— И Геннадий первый начал свою любимую песню:

Орленок, орленок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди.
Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один!

Песню подхватили.

Здесь на широком просторе она звучала как гимн смелым и храбрым.

«ГОВОРIT МОСКВА»

В квартире Голеневых долго не зажигали огня. Вполголоса обсуждали слышанное днем: будто фашисты заняли Ленинград. Ольга Ивановна вздыхала и в который раз спрашивала: «Неужели это правда?» Геннадий сосредоточенно покусывал губу.

— Идея! У фрица в машине стоит радиоприемник. Хотите, он сейчас будет нашим? — Геннадий вскочил.

— Не дури, Геня,— строго оборвала его Ольга Ивановна.

— Ну, я осторожно.

— Нет!

Геня молча залез под одеяло и, прищурившись, наблюдал за матерью. На какое-то мгновение ему сделалось стыдно, что он причиняет ей боль, беспокойство. Мысленно раскаялся, обещал вести себя тише воды, ниже травы. Раскаяние было искренним, но не долгим.

Утром Геннадий решил окончательно: приемник у него должен быть!

...Следующая ночь выдалась ветреной и дождливой. Геня пробрался на старый двор. Вблизи скрипнула дверь, послышался легкий мужской кашель. В темноте выросла фигура мужчины. Геннадий притаился. Мужчина ушел.

Геннадий пролез между машинами. У одной остановился, беззвучно открыл дверцу, влез в кабину, нащупал радиоприемник. Сделалось страшно. Показалось, что вот сию минуту на него набросятся, схватят... Прошла секунда, другая. Шагов часового не слышно. По крыше машины сильнее забарабанил дождь. В такой ливень часовой вряд ли появится опять.

Домой вернулся благополучно. В темном коридоре оставил грязные ботинки.

Ольга Ивановна не спала. Даже при тусклом свете коптилки Геннадий разглядел бледное от беспокойства лицо матери. Он бережно поставил приемник на табурет.

— Мамочка, не сердись. Мы же Москву услышим!

— Ты погубишь себя, Геннадий!

— Мама, но как же иначе? Мы должны узнать, что делается в мире, что с Москвой? Давай пока спрячем его в сарай...

Утром пришел Миша. Геннадий рассказал о своей добыче.
— Ой ты! — только и мог сказать в восторге Миша.

В сарае Геннадий показал Мише небольшой радиоприемник, прикрытый кирпичами.

— Вот с проводами чепуха. Пойдем посмотрим.

Ребята осмотрели стоящий неподалеку от дома столб. Обрезанный немецкими связистами, короткий провод болтался на ветру.

— Гень, а когтей-то нету. Попробуй, залезь!

— Спорим,— глаза Геннадия сузились.

— О чем?

— Что я соединю этот провод!

— С когтями, конечно?

— Без ничего.

— Спорим,— Миша протянул руку, но, увидев загоревшиеся глаза друга, спрятал ее за спину.

— Сдрейфил? То-то, не спорь, если не знаешь сил другого.

Когда сумерки окутали город, друзья принялись за работу. Геня привязал к проводу веревку и подтянул к столбу. Затем привязал веревку к левой руке, поплевал на ладони.

— Подожди, приткий какой! Резиновые перчатки надо. Током ударит.

— Свет включают позже, сейчас его еще нет.

Руки и ноги обвили столб. Тело напряжилось. Второй обхват, третий, четвертый...

Из дома вышла Ольга Ивановна. Увидела Мишу с высоко запрокинутой головой, посмотрела вверх... и обмерла. В любую минуту Геннадий мог сорваться. Закричать нельзя, приказать немедленно спуститься вниз — тоже. И она молча смотрела на сына.

Вот так же, еще в четвертом классе, вздумал он с товарищами забраться на высокий тополь. Залезли на крышу дома. Товарищ прыгнул первым, цепко ухватился за ветку и сразу стал ногами на другую. А Геннадий был меньше ростом, ноги до ветки не доставали, и он болтал ими в воздухе. «Боже мой, обломится ветка, убьется... убьется», — шептала мать, а он тем временем, по совету товарища, раскачался, нашел опору, встал на ветку.

Геннадий соединил концы провода. Осторожно начал спускаться. Последние два метра сполз. Руки горели, как от ожога. Молча обулся, натянул пальто, облизал пересохшие губы.

Мать сердито смотрела на сына.

— Тетя Оля, да ведь он же ничего плохого не сделал,— заступился Миша.

— Молчи, заступник.

Вечером с Николаем Ивановичем внесли радиоприемник. Долго возились с ним. Притихшая Ольга Ивановна ждала, когда загорятся огоньки, осветят шкалу. Но приемник молчал.

Раздосадованные, в двенадцатом часу ночи отнесли его на прежнее место.

Утром Николай Иванович и Геня вышли во двор. Провод был оборван. «Ветер! Надо лезть опять».

— Ты, дружок, на живую нитку пришел. Теперь надо начинать сначала. Повремени, я достану когти.

— С когтями скорее заподозрят, а так сочтут за ухарство.

— Ну, действуй, когда стемнеет,— согласился Николай Иванович.

Снова вечером внесли приемник. Одиннадцатый час. Геннадий неслышно ходил на носках, затемняя окна. Включил свет. В приемнике зашипело. Нетерпеливо повернул регулятор громкости и медленно стал настраивать. Но все станции говорили на непонятном языке.

Вдруг в чужую речь вклинился тихий задушевный голос. Кто-то там, в родной Москве, пел старинную русскую песню!

А потом знакомый баритон диктора объявил: «От Советского информбюро». Слушали затаив дыхание.

Геннадий быстро писал на тетрадном листе, сокращая слова. Радостно стучала мысль: «Андрейке... Андрейке расскажу!»

СНОВА С АНДРЕЙКОЙ

Накануне праздника 7 ноября Николай Иванович пришел домой веселый. Геннадий внимательно посмотрел на него, показалось, что дядя Коля стал плотнее, солиднее.

— Дядя Коля, фашисты хлебом не кормят, а вы поправились,— Геня пристально следил за осторожными движениями Николая Ивановича.

— Мою полноту сегодня ночью ты расклеишь со своими друзьями,— сказал Голубев, вынимая из-за пояса листовки.

Геня схватил дядю Колю за плечи, стиснул изо всех сил.

— Пусти, пусти, медведь,— тихо отбивался дядя Коля.— Это листовки с самолета.

Темной ночью друзья Геннадия выполнили поручение Голубева.

Проснулся утром Геннадий, и сразу им овладело праздничное настроение. Во дворе он сказал Николаю Ивановичу:

— Не будете ругаться? Я оставил немного листовок. Знаете, для кого? Для Андрейки. Когда мы ходили с вами в село, я обещал ему сообщить, где фронт. Мне нужно сдержать свое слово. Вы пойдете еще туда?

— Нет, не могу.

— Тогда попросите маму, чтобы меня отпустила.

— Попробую, хоть это и не легкое дело.

И дядя Коля помог. Через несколько дней Геннадий с соседками—мать согласилась пустить его с попутчицами, они шли менять вещи на продукты,—отправился в село. Усталого и продрогшего Геннадия радостно встретил Андрейка. Гость сразу выложил листовки на стол.

— Сводки! — ахнул Андрейка.— Спасибо тебе, Геня. А мы ждали... ждали... Я и Дарик. У нас живет. Теперь я расскажу тебе про него. И познакомлю.

И Андрейка рассказал, как встретился с Дариком, как спрятал его, как потом с матерью забрали его к себе.

— Так и живет он у нас, никто и не знает.

Андрейка толкнул дверь в боковую темную комнату, позвал:

— Дарик, иди, не бойся.

В дверях показался худенький мальчик, нерешительно остановился.

— Да иди, иди,— Андрей потянул его за руку.— Это Геня.

Геннадий подал руку мальчику. На него в упор смотрели черные-черные глаза.

— Мне рассказывал о тебе Андрей,— сказал Дарик.— И мы ждали тебя.

— Вот,— Геннадий протянул Дарику листовку и переписанную им сводку.— Это с самолета наши сбрасывали, а это я сам слышал по приемнику.

Дарик прочитал листовку и счастливо рассмеялся.

— Ой, Генька, ты ж помрешь от голода, — спохватился Андрейка.

Он бросился к печке: вместо огня — зола. Начал ширять рогачом, схватил пучок бурьяна, поддал его в печь и что есть силы начал раздувать огонь.

Геня и Дарик принялись помогать ему. Так и застала их Евдокия Антоновна. Остановившись в дверях, она хотела было накричать на сына, но их усердие рассмешило ее, уже не сердито она сказала:

— Проворонили огонь, теперь придется тратить серник. О, да у нас гость. Ну, здравствуй. Ты один?

Геннадий сказал, что пришел с соседками, а Николай Иванович привет передавал.

— Как же мы принимаем гостя? — захлопотала Евдокия Антоновна.— А ну, помогайте, мы живо вечерю приготовим.

Ужинали весело, ребята поминутно переглядывались, без причины смеялись.

— Да ты, никак, оживаешь, хлопчик? — Евдокия Антоновна ласково посмотрела на Дарика.— То все молчал, слова не добьешься...

ПАРНИШКА ИДЕТ В СТАВРОПОЛЬ

Тихий шелест камышей и всплеск воды. Что это? Ветер? Но ветер шумит совсем не так. Может, дикая утка-полуночица плещется в неглубоком болоте? Тогда почему эти всплески слишком осторожны? Почему кем-то потревоженные

кизлярские камыши на некоторое время умолкают, будто прислушиваясь к чему-то? Стало тихо. Совсем тихо. Лишь далекие очереди автоматных выстрелов беспокоили ночь.

От камышовой стены, чернеющей в темноте, отползли четверо. Сколько прошло времени— час, два? Только очень устали четверо, посланные северной группой партизан в родные села, оккупированные врагом. У каждого из них свое задание, своя цель. К рассвету добрались до селения. Один незаметно зашел во двор, в глубине которого виднелась беленькая хата, крытая камышом.

Условный негромкий стук в дверь.

— Кто там? — послышался мужской голос, сменившийся надрывным кашлем курильщика.

— Вас зовут родственники, — ответили за дверью.

— Когда я должен явиться?

— Сегодня в двенадцать.

Дзинькнул железный крючок, обо что-то ударившись. Дверь открылась. Партизан быстро прошел в сени, закрыл за собою дверь.

— Нам надо в Прикумск. Расскажи, как безопаснее добраться туда, — спросил он.

— А сколько вас?

— Четверо.

— Сидай, — пригласил бородатый хозяин.

Расположились подалее от окна. У печки. Долго нашептывал хозяин, как безопаснее добраться до города Прикумска. Неторопливо встал с табуретки, открыл дверь в другую комнату, позвал дочь:

— Нюра, встань! Накорми людей.

Через минуту перед гостем уже стояла на столе кринка молока. Девушка подала буханку черного домашнего хлеба, соленых огур-

цов. Гость поблагодарил ее легким кивком головы. Поднялся, попрощался с хозяином:

— Спасибо вам!

В скирде сена за домом ожидали три товарища. Один из них, с большущими карими глазами, растянул добродушные толстые губы в улыбку. Голодными глазами все трое смотрели на хлеб.

...Комсомольцу Володе Кахнову надо было пробраться в Ставрополь. Екнуло от радости Володино сердце — ему поручали ответственное задание, а еще потому, что он идет в свой родной город, к матери. Небось она выплакала глаза, терзаясь от неизвестности за судьбу сына, о котором и знала только, что где-то в партизанском отряде. Но было горько попасть в родной город, когда в нем хозяйничали враги.

Володя сделает многое, чтобы не победил враг. Он дойдет до Ставрополя. Правда, опасностей много: они на каждом километре. Но он должен дойти!

Глухими тропами, минуя села, партизаны добрались до Прикумска. Здесь нашлись надежные люди. Они помогли дойти до Петровского. Трое остались в селе, а Володя Кахнов любыми способами будет пробираться в Ставрополь.

Ранним утром был в Андрейкином селе.

На стук вышел сам Андрейка. Увидел длинновязого парня, нахмурился, недовольно спросил:

— Вам кого?

— Позови маму.

Андрейка молча исчез. Вскоре вышла Евдокия Антоновна.

— Что вам нужно?

— Приют и внимание.

— Для хороших людей, пожалуйста. — Володя заметил, как сразу подбрело лицо женщины. — Заходите, — пригласила она гостя в дом.

— Зовут меня Володей, тетя Дуся.

— Ты с каких мест будешь?

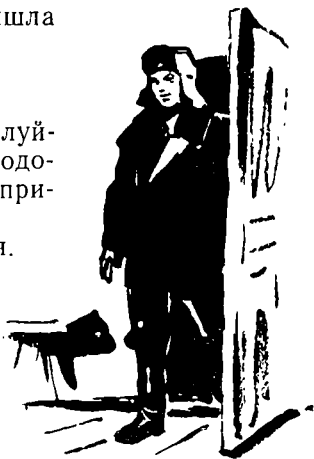
— Из-под Кизляра.

— Далеченько оттудова до нас.

А куда путь держишь?

— В Ставрополь.

Это слово будто магнит притянуло внимание Андрейки. Он было уже рот раскрыл, чтобы спросить,

не знает ли Володя Геннадия Голенева, но, вспомнив наказ матери не вмешиваться в разговор старших, прикусил нижнюю губу и энергичнее начал крутить кукурузную ручную мельничку.

— Хотя вы мне скажите, долго ли нам тут трястись от страха, голодать и холодать?

Володя коротко ответил:

— Ско-ро!

— Спасибо за добрые вести.— Евдокия Антоновна повеселела.

— Ан-дре-е-й,— произнесла она звонким голосом,— иди слей Володе.

Андрей, кажется, только и ждал этого приглашения. В один миг он очутился возле гостя:

— Идемте в сени, помоемся.

Зачерпнув деревянным черпаком воды из цинковой цебарки, Андрей терпеливо ждал, пока Володя скинет рубаху. Затем что-то вспомнил, осторожно поставил черпак на деревянную крышку, плотно закрывавшую ведро, и полез под лавку. Нашарил там жидкое зеленое мыло в стеклянной баночке, протянул его гостю.

— А вы из Ставрополя? Да?— не удержался Андрейка от расспросов.

Володя повернул мокрое лицо и добродушно улыбнулся:

— Ты был в нашем городе?

— Еще маленьким. Мамка на базар брала.

Володя хотел сказать, что и сейчас Андрейка не очень большой, но зачем же обижать мальчугана! А Андрейка, ободренный улыбкой Володи, продолжал расспрашивать:

— А вы не знаете Геннадия Голенева?

— Город большой, Андрейка, всех знать невозможно,— Володя взял застиранное вафельное полотенце, которое ему протянула вышедшая в сени Евдокия Антоновна. Она цыкнула на сынишку:

— Ты все с расспросами. Ох, Андрей, какой же ты у меня досужий. Ступай, занимайся теперь своим делом.

Андрейка шмыгнул в комнату.

Когда сели за стол, Володя спросил Евдокию Антоновну, не идет ли кто завтра в город: с попутчиками безопаснее было бы.

Евдокия Антоновна пообещала найти ему попутчиц.

— Может, там Геню встретите, передайте ему поклон от меня,— не выдержал Андрейка.

— Сам передашь, сынок. Пойдешь с Володей, соли принесешь,— Евдокия Антоновна ласково посмотрела на сына. Ее голубые, как чистое небо, глаза застлало облачко. В душу запала тревога. Если схватят Володю, не пощадят и Андрейку. Но усилием воли отогнала мрачные мысли.

Когда совсем стемнело, Евдокия Антоновна куда-то отлучилась. А утром протянула Володе справку о том, что он служит в сельской управе.

У разрушенного моста бывшей туапсинской железной дороги дежурили патрули. На женщин полицаи не обратили внимания, зато Володю с Андрейкой задержали. Кто такие, куда и зачем идете?

— Братишку веду в город, к доктору. Рвота у него частая. Извелся бедняга.

— А сам-то ты кто? — недоверчиво щупая глазами Кахнова, спросил полицай.

— Родня тебе по службе. В сельской управе служу,— и протянул полицаям справку.

Андрейка начал странно икать.

Полицай и не читал справку, махнул рукой, идите, мол. Володя взял за руку Андрейку. Когда патрули не могли их услышать, рассмеялся:

— Ишь молодчина! Я уж испугался, когда ты начал икать, думаю, может, он и вправду болен.

— Будешь молодчиной...— ответил Андрей.

На окраине города расстались. Володя показал Андрейке, как добраться до улицы Подгорной, а сам заторопился домой. Чем ближе к дому, тем тревожнее на сердце. А что, если у них живут немцы? Им сразу же интересуются: кто, откуда и зачем?

Володя решил не стучать, а вот так, сразу, войти в дом. Он взялся за ручку двери, тихонько открыл ее.

Переступил порог. Никого. И, уже не таясь, прошел в другую комнату. На кровати лежала мать. Не помня себя Володя бросился к ней, обхватил ее за плечи.

— Сынок мой, родной! — мать трясущимися руками старалась крепче прижать к себе сына.

— Мама, что с тобой?

— Это пройдет, сынок. Все тот же радикулит.

Володя заботливо укрыл мать теплым одеялом, спросил, кто за ней присматривает.

— Валя Зорина. Ты должен ее помнить. Когда ты оканчивал школу, она переходила в седьмой класс.

— Ну как же, конечно, помню,— Володя встал, чтобы снять с себя пыльный пиджак,— такая черноглазая, с длинными пепельными косами?

— Да, да.— В голосе появилась тревога:— Откуда ты, сынок?

— Мама, я ничего не могу тебе сказать, но ты не тревожься. У меня документы хорошие.

— Ну, тогда запри дверь, помойся и переоденься.

— Вот я сейчас приведу себя в порядок,— весело говорил Володя,— и поступлю в полное твое распоряжение.

— Но тебе нельзя выходить из дому!— Мать встревожилась.

— А кто же принесет воды, сходит на базар?

— Валя. Тебе все-таки лучше не показываться им на глаза.

Володя на мгновение задумался.

— В том-то и дело, мама, что мне придется показываться...

Перед вечером в доме появилась Валя Зорина. В синем, наглухо застегнутом платье, она казалась особенно тоненькой, подвижной. Молча уставилась на Володю черными глазами.

— Не узнаете? — улыбнулся Володя.

Лицо девочки тронула еле заметная усмешка.

— Почему же? Вы, Володя, сын Елены Павловны. Она только и говорит о вас.

...А в комнате Голеневых готовились слушать последние известия. Андрейка, освоившись в новой обстановке, сидел на табурете, засунув руки между колен. Геня включил приемник, и Андрейка увидел, как за узким стеклышком загорелся свет.

— Говорит Москва. Говорит Москва.— Мощный голос диктора рассказывал о боях под Моздоком и в горах Кавказа.

Андрейка крепко стиснул пальцы и, не мигая, смотрел на зеленый глазок.

Утром Геннадий провожал за город своего товарища. Андрейка нес в мешке несколько килограммов соли, а в ней — листовки.

— Я расскажу дома, как мы слушали Москву. Всем расскажу, что скоро придут наши!

— Ты только поосторожней, глупостей не наделай,— предупреждал Геннадий тоном опытного конспиратора.

Недалеко от полотна железной дороги Андрейка заметил поджидавших его соседок.

— Ну, прощай, Геня! — Андрей высвободил руку, протянул ее товарищу. Геня потряс ее и улыбнулся:

— Нет, до свиданья. Мы встретимся с тобой. Обязательно встретимся!

Геннадий долго смотрел вслед уходящему товарищу.

НЕОЖИДАННАЯ ССОРА

Вечерело. От лучей солнца искрился снег, и яркие оранжевые блики ложились на верхушки деревьев. Лохматые лапы веток клонились от тяжести снега. Крепчал мороз. Вдруг в тишину леса ворвался звонкий молодой голос:

— Ми-ша! А-а-у-у!

Эхо передразнило Геннадия, понеслось от дерева к дереву, от поляны к поляне и, ослабев, где-то далеко замерло. Голенев на ходу обхватил ствол ясеня, остановился. Щеки его пылали. Из-под ушанки, сдвинутой на затылок, выглядывала задорная челка.

Миша шел на лыжах, неуверенно опираясь на палки.

Ребята потихоньку направились к городу. Спустились у дачи.

За деревьями увидели несколько десятков машин, возле них возились солдаты.

Двое солдат в шинелях и пилотках приблизились к ребятам. Один из них рывкнул, показывая на лыжи:

— Забрали!

Ребята не понимали, чего от них хочет немец.

Видя, что приказ не собираются выполнять, другой солдат тряхнул Геннадия, с силой рванул палки из его рук. С лыжами пришлось расстаться. Пошли пешком.

— Миша, давай сегодня «проверим» их работу, — со злостью предложил Голенев.

— Конечно, им это так не пройдет! Сейчас понаблюдаем, куда они ходят ночевать. — И сразу спросил: — Кто останется первым?

— Я. Ты иди домой, Миша, потом сменишь меня.

Настала ночь. Мальчики проверили, все ли взяли: отвертка, шило, граната — и начали опасный путь от Гениного дома.

Отошли на небольшое расстояние и остановились. Нигде никого. Неслышно подобрался к даче. Несколько минут выглядывали из-за невысокого каменного забора. Где-то внутри двора скрипели шаги. Машины чернели почти рядом. Геня шепнул:

— Ты наблюдай, а я поработаю. Потом переменяемся.

Миша в знак согласия кивнул головой. Геня полез.

Миша озираясь по сторонам. На белоснежном фоне увидел темную фигуру с автоматом и дал условный сигнал. Патруль дошел до стены, круто повернулся. Миша нервничал: пора сменить товарища, а он не возвращается. И всегда этот Генька так: все сам! До боли в ушах вслушивался Миша в ночные звуки. Час казался вечностью. Миша продрог.

Геннадий вынырнул из темноты неожиданно.

— Идем,— еле слышно сказал он,— я сам все сделал.

Продвигались поодаль друг от друга.

Ольга Ивановна услышала шорох на лестнице, встала, провела рукой по постели сына и убедилась, что она пуста. Тут же дверь открылась, и на пороге появились Геня и Миша. Мальчики молча разделись. Легли вместе.

Ольга Ивановна заботливо подоткнула под них одеяло, накинула на себя халат и стала сметать со ступенек снег — следы ребят.

Постель дяди Коли не разобрана. Последнее время он почти не жил дома.

...Утром Валя Зорина шагала посреди улицы и присматривалась к номерам домов. Вот он высокий, двухэтажный, с деревянной надстройкой под номером девятнадцать. Валя вошла во двор и не успела открыть рот, чтобы спросить о Голеневых, как сам Геннадий вышел ей навстречу.

— Геня, я пришла тебе сказать...

Геннадий предупредил ее жестом: молчи.

— Извини, но я не могу пригласить тебя в квартиру: дома мама и другие. Пойдем на улицу.— Геня открыл настежь калитку.

— Теперь говори,— попросил он, когда убедился, что близко никого нет.

— Знаешь, к нашей соседке пришел сын. Он расспрашивал про ребят, моих друзей, что остались в городе. Ну, я рассказала. А когда назвала тебя, он переспросил почему фамилию, и сразу... Валя заметила недовольный взгляд Гени.

— Откуда пришел? Зачем? Ты знаешь? А если он работает на них? — набросился на нее Геннадий.— Сказано, девчонка! С первым встречным разболталась.

Валя растерялась на секунду, неожиданно для самой себя передразнила:

— Девчонка! Девчонка! У Елены Павловны сын не может быть плохим! — Валя отстранилась от Геннадия и, став в защитную позу, продолжала:— В такое время дружить крепче надо! Понял? А если мы будем друг друга подозревать...— Валя отвернулась.— Он, наверное, по заданию здесь и хотел, чтобы ты пришел. А ты...

— Валя, не сердись,— виновато попросил Геннадий.

— Не сердись? А вот знакомить тебя с Володией я не буду — не стоишь ты этого.

Круто повернувшись, Валя ушла от Геннадия.

«ЧЕРЕЗ ТРИ ЧАСА ОНИ ВЗОРВУТСЯ»

Шифрованная телеграмма из штаба фронта об отступлении войск привела Шульца в бешенство. Он приказал усилить вокруг города посты на случай налета партизан. Затем созвал всех своих офицеров и приказал немедленно очистить гестапо и тюрьмы: «Мелкую рыбку выпустить, крупную — отправить к праотцам».

В последние дни все чаще открывались ворота гестапо, откуда выезжала крытая машина — «душегубка».

Нина Васильевна дала Вадиму совет — собрать комсомольцев и договориться, как спасти школу: гитлеровцы собирались ее взорвать.

От учительницы Вадим пошел на Советскую улицу. У него были еще и другие планы, о них он учительнице не сказал. Вместе с Мишей пошли к Голеневым. На полпути встретили самого Геннадия.

— Ребята, у меня идея! — И, понизив голос, Вадим поведал ребятам свои планы.

— Немцы драпают. Комендант уже давно лыжи навестрил. А мы ему их подмажем — в машину подсунем мину замедленного действия. Как? А?

Геннадий и Михаил замерли от восторга.

— Я ее как-то случайно «позаимствовал», по выражению Генки, у фрицев. Ихним салом и их по мусалам. Ну как идея?

— Спрашиваешь?

Геннадия и Михаила не надо было уговаривать.

— Тогда пойдете, присмотримся к обстановке.

Медленно прошли мимо открытых ворот дома коменданта и заметили: шоферы делали профилактику машин, на застекленной веранде стояло несколько чемоданов. Все трое пришли к выводу, что комендант «с драпаньем спешит», и действовать надо быстро.

Договорились, что мину лучше укрепить под машиной. Ночевать будут у Вадима.

Под вечер Геннадий отпросился у Ольги Ивановны и ушел. Он надел теплый лыжный костюм, плотнее надвинул на уши шапку.

Мать Вадима ушла в село, там задержалась, и он хозяйничал сам. Вскоре пришел и Миша. О чем они только не говорили до часу ночи!

— Дайте слово, что никому не разболтаете то, что я скажу? — почти шепотом сказал Вадим.

— Мы давно дали такое слово, — с обидой ответил Геня.

— Ну, ладно. Слушайте. 19 января у нас состоится комсомольское собрание. На повестке дня один вопрос — как спасти школу от разрушения. Тебе, Геннадий, обязательно надо прийти на это собрание.

— А куда?

— В парк. К летнему театру.

— Приду, и заявление принесу, в комсомол. Вадим, а у меня Валя была, говорила, что к учительнице, Елене Павловне, сын пришел. О ребятах расспрашивал и обо мне,— Геннадий помолчал.— А я с ней поссорился, обидел. Она и ушла.

— Кто? Учительница?

— Да Валя же!

— Как обидел?

— Да сказал, что с первым встречным разболталась и еще...

— Ну, это ты зря. Валя не то, что с первым встречным, а и со своим не разболтается. Пойдешь к ней и все узнаешь. Ясно?

Геннадий кивнул головой.

...Ночью дворы казались таинственнее. Ребята подошли к лазу.

Вадим пригляделся и опознал машину коменданта. Она стояла между двух «виллисов». Миша и Геня не спускали глаз с товарища. Вот он приподнялся у машины, заглянул внутрь и, когда убедился, что она пуста, махнул товарищам рукой. Геннадий, как самый опытный, залез под машину, взял из рук Миши мину и начал ее укреплять.

Притаившись за колесами, Вадим и Миша следили за двором. Обоим казалось, что Геня страшно долго возится.

Со ступенек веранды, разговаривая, спустились гитлеровцы. Закурили.

Что делать? До лаза не добраться, заметят.

— Геня, вылезай, идут,— требовательно прошептал Вадим.

— Скорее, скорее! — заторопил Миша.

На сей раз Геннадий был очень послушным. Все трое поползли к мусорному ящику, спрятались за ним.

Фашисты несли чемоданы. Комендант не дождался утра, удирал ночью. Вскоре зафырчали машины. Шофер швырнул пустую банку из-под консервов в мусорный ящик, захлопнул дверцу, и машина плавно покатила к открытым настежь воротам.

Только тогда полной грудью вздохнули ребята, когда шум машины замер вдали.

— Факир был растяпа, и номер не удался? — с досадой спросил Вадим.

— Почему? Через три часа они взорвутся, — уверенно ответил Геннадий.

Ликованию друзей не было предела! Новые сложные планы обдумывали втроем почти всю ночь.

ДОСТАТЬ ПУЛЕМЕТ

Нескончаемой вереницей тянулись машины с орудиями, пулеметами, солдатами: гитлеровцы отступали.

Зимний колючий ветер пронизывал насквозь.

Пять человек во главе с Николаем Ивановичем терпеливо ждали двух часов ночи. Взяв противотанковые мины, они начали пробираться по лесу. Поднявшись на кручу и отдышавшись, осмотрели местность. Вот автомобильная дорога. Черным силуэтом возвышается гора. «Приступаем», — тихо сказал Голубев. Залегли, прислушались. Тишина.

— Помните свои места?

Голубеву ответили. Тогда он перелез на противоположный край дороги и заработал саперной лопаткой. Заминировав дорогу, группа снова спустилась в крутой, почти отвесный овраг.

Светало. На землю медленно спускался густой молочный туман. В предутреннюю тишину ворвался скрежещущий грохот танков, вначале далеко, а потом все ближе и ближе.

Взрыв, снова взрыв, от которого содрогнулась земля. Еще взрыв.

— Задание выполнено,— прошептал один из подпольщиков.

— Да, задание выполнено,— как эхо, повторил Николай Иванович.— Володя,— позвал он одного из группы,— ты со мной. Остальным потихоньку рассеяться.

В комнате Николай Иванович подвел пришедшего с ним Володю к окну.

— Видишь дорогу?

— Вижу.

Неслышно вошел Геннадий, дежуривший на улице позади Голубева.

— По ней будут отступать остатки фашистской сволочи. Вот сюда бы один-два пулемета нам с тобой, Кахнов, побольше патронов, и эти вояки недосчитались бы нескольких сотен человек.

Кахнов! Геннадий сразу вспомнил эту фамилию. А он-то обидел Валю! Надо достать пулемет! Чего бы это ни стоило! Геннадий выбежал из комнаты. Николай Иванович догнал его у водопроводной колонки.

— Ты куда?

— Я достану пулемет! Достану!

— Я приказываю тебе не делать этого. Слышишь? — Николай Иванович впервые так строго смотрел на Геннадия.

Геннадий спокойно ответил:

— Слышу.

Голубев растерялся: он понял — этого мальчишку не удержишь теперь никаким приказанием. И, все еще надеясь на что-то, повторил:

— Брось ребячество, Геннадий!

А Геннадий, кажется, никогда в жизни не испытывал такого горячего желания помочь старшим товарищам!

РОКОВАЯ ГРАНАТА

Запыхавшись, Геннадий влетел в Мишину квартиру.

— Миша, идем... дело есть!

Выскочили во двор.

— Нужны ручные пулеметы, ты сегодня займись проверкой машин, а завтра мы кое-кого обеспечим оружием,— не переводя дыхания сказал Геннадий.— Кое-что и сейчас проверим. У кинотеатра машин полно!

После разведки Геня и Миша долго шептались в сыром коридоре подвального этажа.

— В средней машине, вон той,—Миша протянул руку,— накрытой брезентом,— гранаты.

— Мне повезло больше, чем тебе, Мишук! Пулемет в машине! А гранатки и сейчас не помешают.— Геннадий пошел к двери.

— Да ты что? Днем, на виду у всех!— Михаил подскочил к другу.— Знаешь, это уж слишком.

Геннадий остановился раздумывая.

— Да они все заняты драпаньем! Нужен я им! В случае чего свистнешь.

— Послушай ты меня, хоть раз в жизни!— умолял Миша.

— Ты не веришь мне? Сейчас убедишься, что фашистам нет никакого дела до нас.— И, заложив руки в карманы отцовской тужурки, Геннадий насвистывая пошел к цели.

Миша видел, как он по-хозяйски, спокойно влез в машину. Через несколько секунд уже шел к Михаилу с растопыренным карманом, поглядывая на окна двухэтажного дома.

Из подъезда вышел офицер, направился в сторону Геннадия.

Геннадий вздрогнул, бросился к воротам и тут столкнулся с двумя солдатами.

Миша рванулся к другу, но солдат замахнулся на него автоматом.

Роковая граната погубила все. Геню били чем попало по лицу, по голове и все спрашивали, спрашивали, спрашивали... А он молчал. И только когда немецкий офицер, выкручивая ему руку, потребовал ответить, связан ли он с партизанами, Геннадий поднял голову: «Не скажу! Ничего не скажу!» Офицер приказал солдатам оттащить Геннадия к зданию кинотеатра.

— Не скажу! Ничего не скажу!— донеслось до Михаила.

Треск автоматной очереди. И тишина. Только языки пламени и клубы дыма поднимались высоко к небу от подожженного гитлеровцами склада.

Огонь и кровь...

Миша метнулся туда, откуда только что раздавался голос его друга. Фашисты уже ушли. И Миша стал на колени возле мертвого Геня.

— Говорил же я тебе! Говорил!— Михаил кулаками вытирал слезы.

...Наступила ночь. Ольга Ивановна, Миша со своей матерью пробрались к Геннадию, завернули его тело и понесли.

Геннадия положили в сарае, в том сарае, где он прятал оружие и приемник. Оставшись одна, мать припала к лицу своего орленка...

Темнота сменялась морозным ясным утром. В город входила стрелковая дивизия. В твердой поступи советских войск мать видела победу. Она шагнула навстречу бойцам.

— Сын мой... Геннадий... как он ждал вас!— слезы не давали ей говорить.— Отомстите за него!

ИМЕНИ ГЕННАДИЯ ГОЛЕНЕВА

Учительница Нина Васильевна собиралась в школу. Вспомнила, как в первый год своего учительства она всякий раз волновалась, прежде чем переступить порог класса. Волновалась она и сейчас. Надев строгое шерстяное платье с белым воротничком, Нина Васильевна глянула в зеркало. Все в порядке: седые волосы аккуратно причесаны...

Во дворе школы собрались ученики.

— Вадим, здравствуй!— мальчики и девочки окружили Шевцова.

— Ребята, спросите, как он спас школу!

— Расскажи, расскажи! — попросили ученики.

— Ребята, что вы! Да ничего особенного не было. Просто несколько комсомольцев последние два дня тайно дежурили у школы. Кто? Борис, Виктор... ну еще я. Ну, пришли гитлеровцы, расставили ящики, зажгли шнуры, закурили и ушли. Мы сразу кинулись к подъезду, выдернули шнуры и опять спрятались: думали, что они вернуться. Ночевали в школе, а утром увидели нашу Армию. Вот и все. А вот Генька... — Вадим опустил голову. — Парень-то какой был!

Ребята молчали: каждый из них уже знал о трагической гибели их товарища, каждый уже пережил это по-своему.

В калитке показалась Нина Васильевна. Сумрачные лица ребят встревожили старую учительницу. Что-то случилось!

— Что произошло, ребята?

— Фашисты убили Геннадия.

— Кто сказал? Кто видел?

— Я, — отозвался кто-то сзади.

Все обернулись. В стороне стоял коренастый паренек.

— Михаил! — бросился к нему Вадим. — Как это случилось? Расскажи подробнее.

И Михаил рассказал ребятам о последних минутах жизни Геннадия Голенева.

— Если бы не граната... они бы его не убили... Вот, — Миша подал Вадиму листок бумаги. — Я принес заявление Гени.

«А придет время, прошу вас, товарищи мои, назвать и меня членом великого Ленинского комсомола», — прочитал Вадим, и перед его глазами как живой встал Голенев: жизнерадостный, смелый, верный.

— Я сегодня же пойду в горком и спрошу, как быть. А где оно было, Миша?

— Геня на чердаке его спрятал. Мне показывал, где, я и знал.

— Можешь быть спокоен, Миша. Просьбу Геннадия Голенева мы выполним. Он жил и умер, как комсомолец.

...На другой день ребята оборудовали классы, стаскивали парты.

Вадим сел на принесенную парту отдохнуть. Поднял крышку и замер.

— Что ты, Вадик?

— Смотрите!

Вадим показал чуть видимую отметинку, когда-то сделанную Геннадием.

— Парта нашего Геньки,— сказал кто-то чуть слышно.

— Мы ее никому не отдадим,— решил Вадим.

Ребята поставили эту парту в первом ряду и подзвали Нину Васильевну.

— Парта Голенева!

— На ней будут сидеть отличники. Согласны?— Нина Васильевна посмотрела на ребят.

— На парте Голенева будут сидеть отличники! — решили ребята.

* * *

Минуло много лет.

В один из жарких августовских дней у памятника Геннадию Голеневу стояли два молодых человека с обнаженными головами, стояли в скорбном молчании. Первым торжественную тишину нарушил офицер Советской Армии Андрей Матушкин:

— Дарик, найдем его мать и поблагодарим за сына.

Дарик, студент московского института, бережно положил на могилу венок и ответил:

— Пойдем, поблагодарим, Андрейка.

* * *

Жаль, что рано ушли эти двое. Часом позже у памятника появилась группа ребят. Они принесли с собой букеты живых цветов. Увидели совсем-совсем свежий венок, поправили его и положили на могилу свои цветы.

Потом сели под развесистой акацией. Говорили о Геннадии Голеневе. Они вспоминали, как готовились к дружинному сбору, как собирали фотографии, рассказывающие о жизни Голенева, перепечатывали их, а потом у стенда горячо спорили, куда какую определить. Стенд с лучшим рисованным портретом Гени

(в школе был объявлен конкурс на лучший рисунок) был установлен на самом видном месте.

А фотоальбом какой! Там не только фотографии, но и письма из Читы, из Москвы.

«Горячо одобряю ваше решение — бороться за честь присвоения нашей дружине имени Геннадия Голенева, замечательного нашего земляка,— писал из Москвы товарищ Геннадия. — ...В детстве мы жили с Геней в одном дворе, играли в одни игры, читали книги... Он был честным по отношению к товарищу... Любил свой город и не хотел, чтобы по его улицам ходили фашисты.»

— Ребята, я запомнил стихотворение «Памяти друга», которое он прислал нам,— сказал курносый, с симпатичными веснушками на лице, мальчик.— Хотите, я продекламирую?

— Только с выражением!

— Читай! Читай! — послышалось со всех сторон.

И мальчуган начал звонким голосом.

· Ломая надоевший старый тон,
Как будто для великого парада,
Проспекты наряжаются в бетон,
И в скверах молодых царит порядок.
Гудят комбайны в поле на заре,
Пшеница бронзовеет в пирамиде...
Ты сердцем наше будущее видел,
В январский день сгорая на костре...
Ты умер, чтобы жить в сердцах людей,
Чтоб имя вспыхнуло твое везде —
На полосе газетной и журнальной,
На камне, на доске мемориальной...

Голос юного чтеца звенел над могилой погибшего старшего товарища:

Ты всюду, где бушует наша жизнь,
В передовом стальном ее отряде,
И в будущее наше — в коммунизм,
Войдем мы вместе,

Голенев Геннадий.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Пионеры — пионеру	3
В тысяча девятьсот сорок втором	4
К дому подходит война	6
Любопытство побеждает страх	11
Что такое трамблер?	14
«Я пройду невидимкой»	17
Андрейкина тайна	20
«Придешь ко мне!»	24
Комсомольское собрание	26
Друзья действуют	30
«Чтобы на самом видном месте!»	32
На Лысой горе	37
«Говорит Москва»	39
Снова с Андрейкой	42
Парнишка идет в Ставрополь	43
Неожиданная ссора	49
«Через три часа они взорвутся»	51
Достать пулемет	54
Роковая граната	55
Имени Геннадия Голенева	57

P2
X22

Харченко Людмила Ивановна.

ОРЛЕНОК. Ставрополь, кн. изд., 1963.

64 с. с илл.

Редактор Л. Хохлова.
Художник Г. Кузнецов.
Худож. редактор Н. Панасюк.
Техн. редактор Т. Стеблянко.
Корректор А. Кузнецова.

Сдано в набор 10.I-63 г. Подписано к печати 27.III-63 г.
Авт. л. 2,82. Уч.-изд. л. 3,25. Печ. л. 3,6
Бумага 60x84¹/₁₆. Бум. л. 2. Заказ № 390.
Тираж 90 000 экз. Цена 20 коп. ВГ32882.

Краевая типография, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЫПУСТИЛО В СВЕТ КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ:

А. Екимцев. **Десять добрых тропок.** Для младшего школьного возраста. Стр. 16, цена 17 коп.

З. Кривоносова. **Приключения Коли Мухина.** Для младшего школьного возраста. Стр. 32, цена 36 коп.

И. Гаустов. **Цветок-невидимка.** Для среднего школьного возраста. Стр. 123, цена 24 коп.

В. Хорольский. **Илька.** Для младшего возраста. Стр. 35, цена 9 коп.

Л. Толстой. **Три медведя.** Для младшего возраста. Цена 14 коп., стр. 14.

И. Гаустов. **Сиреневый факел.** Для среднего и старшего школьного возраста. Стр. 73, цена 13 коп.

ПОКУПАЙТЕ ЭТИ И ДРУГИЕ КНИГИ
В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГА!
